

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ПРОЦЕССЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
очной формы обучения, группы 02031610
Головчанской Светланы Викторовны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Шипицына Г.М.

Рецензент
заместитель директора
муниципального автономного
общеобразовательного учреждения
«Цент образования №1», г. Белгород
Прохорова А.В.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ФОНДЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	10
1.1 Теоретическая составляющая раздела	10
1.2 Изменение названий трудовой деятельности	13
Глава 2. ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА НА ПРОЦЕССЫ ОПРОШЕНИЯ СТРУКТУРЫ И ЗНАЧЕНИЯ УСТАРЕВШИХ СЛОВ	16
2.1 Ведущие понятия раздела	16
2.2 Слова с семантическим опрошением	17
Выводы по главе	27
Глава 3. СИСТЕМНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОМИНАЦИЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	29
3.1 Системный подход при анализе номинаций трудовой деятельности	29
3.2 Культурологический подход при анализе исполнителей трудовой деятельности	35
Выводы по главе	41
Глава 4. ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ ДИАГНОСТИРУЮЩИХ ИСТОРИЗМОВ	42
4.1 Анализ лексемы <i>виночерпий</i>	42
4.2 Анализ лексем <i>градоначальник, городничий</i>	47
4.3 Анализ лексемы <i>душеприказчик</i>	54
Выводы по главе	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Список использованных словарей и справочников	69
2. Список научной лингвистической литературы	71

ПРИЛОЖЕНИЕ	77
-------------------	----

ВВЕДЕНИЕ

Многие лингвисты и литературоведы отмечают тот факт, что на сегодняшний день самой актуальной проблемой является сохранение культурно-интеллектуальных связей в осмыслении действительности между нынешним и прошлым поколениями. Этого можно добиться приобщением молодежи к историко-культурному наследию прошлого, в том числе к великой русской классической литературе. Важной составляющей приобщения новых поколений к культурно-интеллектуальному наследию прошлого является внимательное прочтение произведений великих писателей, оставленных нам в наследство прошлыми периодами. Однако уже сегодня ощущается некоторый барьер взаимопонимания между поколениями людей досоветского периода и людьми XXI века, поскольку читающей массе бывает непонятен лексический состав художественных произведений. Это происходит, главным образом, по причине интенсивного изменения лексики в языке как следствия изменений в обществе его носителей, в том числе и по причине архаизации некогда активных в употреблении слов и оборотов.

В настоящее время проблеме изменения лексического фонда русского языка посвящены исследования многих учёных. Этот вопрос рассматривается в разных сферах и с различных точек зрения. С точки зрения взаимодействия языка и общества, значения «ключевых слов» как признака эпохи, влияния людей на язык и языка на людей (Р.А. Будагов); с точки зрения отношения мысли к слову, поскольку мысль проявляется через язык, причем каждый акт говорения является творческим процессом (А.А. Потебня); с точки зрения слова как основной языковой единицы и его положения в системе языка (О.С. Ахманова); с точки зрения разновидностей системных отношений в лексике и группировок слов в зависимости от этого (Л.М. Васильев, Э.В. Кузнецова, Г.В. Токарев) и др. А.В. Калинин рассматривает возможности использования тех или иных лексических пластов и групп (заимствованных слов, лексики книжной и разговорной,

диалектной и терминологической, многозначных слов и архаизмов) в современной речи. Автор приводит большое количество примеров, что помогает всесторонне осветить то или иное явление лексики. Интересной для нас является глава об устаревших словах, в которой ученый рассматривает историзмы и архаизмы, а также приводит их подробную классификацию.

В своей работе в большей степени мы опирались на труды ученых – классиков русистики, в первую очередь на работы В.В. Виноградова).

Словарный запас современного русского литературного языка непрерывно пополняется новой лексикой за счет внутрисловного и межсловного образования новых семантических единиц, а также лексических заимствований из других языков. Интенсивное обогащение языка новообразованиями вызвано, прежде всего, экстралингвистическими факторами. Масштабные сдвиги в экономике и политике, взаимодействие с другими государствами не могли не отразиться на языке. В конце XX века в язык вливается осязаемая волна иноязычных слов. Некоторые адаптируются, полностью усваиваясь языком, а некоторые так и остаются не полностью вошедшими в язык. Одновременно с этим процессом исконно русские слова и усвоенные в прошлые века заимствования постепенно уходят в пассивный запас, превращаясь в историзмы или архаизмы.

Историзмы – слова и выражения, вышедшие из активного употребления в связи с тем, что исчезли или стали неактуальными обозначаемые ими понятия (*армяк, бонна, нэпман*). Они входят в пассивный словарь языка. Появление в языке историзмов обусловлено внеязыковыми причинами: развитием общества, науки, культуры, изменением обычаев и быта народа [ЭРЯ].

Архаизмы – слова и выражения, вытесненные из активного употребления синонимичными лексическими единицами (*выя – ‘шея’, глад – ‘голод’*). Архаизмы, в отличие от историзмов, являются устаревшими названиями существующих реалий и явлений действительности [ЭРЯ].

Как правило, именно архаизмы по каким-либо причинам вытесняются новой лексикой. Это можно наблюдать на примере изменения названий профессий. Почему на смену «советской» *манекенищицы* пришла нынешняя *модель* (слово, пришедшее к нам из французского языка), а редактора потеснил *рерайтер*, о котором «обычные» люди и не слышали никогда? Максим Кронгауз в книге «Русский язык на грани нервного срыва» говорит об этом следующее: «...Суть, конечно же, в престиже и деньгах. В новых словах присутствует какая-то трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны. Естественно, что гонорары моделей несопоставимы с зарплатой манекенищиц» [Кронгауз 2007: 136].

Объект нашей работы составляют устаревшие лексические единицы, обозначающие номинацию процессов трудовой деятельности, а также частично и исполнителей этой трудовой деятельности в произведениях классической русской литературы XIX века.

Предметом рассмотрения устаревшей лексики является её структурно-семантическая характеристика в сопряжении с культурными константами периода, отраженного в текстах художественных произведений XIX века.

Цель работы: исследуя прозаические произведения литературы XIX, выбрать устаревшие лексические единицы, номинировавшие процессы и исполнителей трудовой деятельности, выявить причины их архаизации, а также влияние внутренней формы на процессы опрощения структуры и значения устаревших слов.

В соответствии с данной целью в работе предполагается решить следующие задачи:

- 1) Из художественных произведений выбрать необходимые лексические единицы;
- 2) Проанализировать языковой материал в различных аспектах:
 - а) с точки зрения сохранения в анализируемых единицах внутренней формы;

б) с точки зрения их взаимосвязей с другими элементами системы: семантических (по значению) и структурных (по строению), то есть реализовать системный подход к анализу лексико-фразеологических средств;

в) с точки зрения номинации трудовой деятельности как выражения особенностей русской культуры, представленной в художественной классике XVIII -XIX веков (культурологический подход);

3) Провести лингвистический эксперимент для того, чтобы установить роль внутренней формы в семантизации (понимании) современным молодым человеком семантики устаревшего слова

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью всего разнообразия устаревающей лексики, что создает языковой барьер, возникающий между словарным запасом читающих и художественным лексиконом классических произведений.

Основные методы исследования. В ходе написания работы мы применяли аппарат следующих методов: описательный метод научного познания, предполагающий анализ языковых факторов, их классификацию, типологическое обобщение, лингвокультурологический анализ, а также элементы компонентного и этимологического анализов в целях выявления особенностей лексического значения, контекстных смыслов слов или происхождения тех или иных лексем.

Источниками фактического материала послужили художественные произведения русской литературы XIX века.

В качестве лексикографической базы для анализа языковых средств использованы следующие словари:

«Словарь современного русского литературного языка» в 20 т.,

«Большая советская энциклопедия» в 30 томах,

«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова,

«Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского и др.,

«Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой в 4 томах,

«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова под редакцией Н.Ю. Шведовой,

«Русский толковый словарь» В.В. Лопатина,

«Русский язык. Энциклопедия» под редакцией Ю.Н. Караулова,

«Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой,

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ, а также и другие словари (их список с полными библиографическими указателями дан в Приложении).

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что оно вносит вклад в решение проблем развития русского языка новейшего периода и его истории, расширяет научные представления о процессах, касающихся словесных единиц, входящих в пассивный запас современных носителей русского языка.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее материалов в педагогической практике учителя-словесника. При изучении литературных произведений русской классики часто возникают сложности в определении тех или иных лексических единиц, особенные проблемы вызывают семантические архаизмы и историзмы, поскольку учащиеся, как правило, неверно понимают их значения, опираясь на современные представления о предметах и явлениях действительности. Поэтому учителю-словеснику важно знать семантику и прагматику устаревшей лексики. Кроме того, в связи с общественной значимостью изученного материала, работа представляет также интерес в культурно-познавательном аспекте.

Апробация работы. По содержанию диссертационного исследования была опубликована статья в научном сборнике «Русское слово и этнокультурная динамика».

Были сделаны научные доклады и сообщения на университетских научной конференции X Международного молодёжного научного форума «Белгородский диалог – 2018: проблемы истории и филологии» посвящается 75-летию Прохоровского сражения, 18-23 апреля 2018 г., во время обучения в магистратуре.

С докладом «Об устаревших профессиях и их названиях», написанном в русле темы диссертационного исследования, мы заняли 2 место во Всероссийском конкурсе студенческих научных работ по русистике «Русское слово и этнокультурная динамика» (2014 год).

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ФОНДЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1 Теоретическая составляющая раздела

Язык представляет собой сложную динамическую систему, находящуюся в вечном развитии и изменении. Именно поэтому одной из главных проблем в лингвистической науке является проблема языковой непостоянности, изменчивости. Самым ярким примером эволюционирующего характера языка является постоянное изменение его словарного состава.

Выпадение лексических единиц и отдельных значений слов из активного употребления считается одним из основных видов изменений в словарном составе.

Разграничение внутренних (языковых) и внеязыковых причин семантических изменений чрезвычайно важно для уяснения характера этих изменений.

Проблема архаизации рассматривалась в исследованиях Кожина, 1957; Михайловской, 1972; Вариченко, 1990; Журавлева, 2004. Отдельные замечания высказаны в работах Ожегова, 1951; Виноградова, 1995 и некоторых других. Важным в перечисленных работах является то, что устаревшая лексика современного русского языка не была ограничена какими-нибудь четкими временными рамками.

Колесник Г.С. указывает на то, что «процесс историзации детерминирован экстралингвистическими причинами (неактуальностью предметов и явлений действительности), а процесс архаизации внутрилингвистическими причинами (наличием синонимов, вариантов и т. п.)» [Колесник 1977: 54–58].

Однако существует другая точка зрения: «классифицировать устаревшую лексику по причинам устаревания нельзя, ибо архаизмы, как и историзмы, могут выходить из употребления исключительно по экстралингвистическим причинам» [Ковалева 1996: 13].

М.В.Панов указывает на то, что языковые и внеязыковые факторы, влияющие на изменение лексического фонда русского языка, выступают не обособленно, а в единстве.

«Современный состав русского литературного языка сформировался в результате длительного исторического развития лексико-семантической системы. Эта система развивалась под влиянием целого ряда факторов, обусловленных изменениями в мышлении, способе и характере взгляда на окружающую действительность у носителей языка, изменениями, происходящими в производстве материальных и духовно-культурных ценностей, в экономике, общественной жизни народа, – словом, всего того, что отражается в языке путем номинации предметов, понятий и явлений действительности» [Шипицына 2012: 25].

Будучи одним из аспектов действительности, язык не составляет особого царства. «Он подчиняется общим законам существования и развития природы и общества» [Солнцев 1971: 5]. В периоды социальных потрясений языковое развитие ускоряется, «отчего создается впечатление хаоса и нестабильности. Кажется, что новшества затопляют родной язык, размывая его границы и угрожая его целостности» [Скляревская 1995: 7].

Говоря об исторических изменениях в словарном составе языка, следует различать устойчивую лексику, которая составляет общеславянский пласт и сохраняется на протяжении веков, и подвижную лексику, тесно связанную с конкретными историческими условиями жизни народа.

Основными причинами изменений в словарном составе языка являются:

- 1) Исчезновение предмета, что ведет за собой и исчезновение лексемы, называвшей его.

2) Замена одной лексической единицы другой при сохранении качества предмета (однако «... предмет может называться тем же, каким он был прежде, хотя бы он за истекшее время подвергся значительным изменениям. Мы очень часто признаем тем же самым предмет, который изменился» [Виноградов 1995: 15]).

3) Заимствование из других языков. «От таких лексических заимствований, которые являются результатом международного обмена предметами и понятиями, необходимо отличать другой тип заимствований, когда происходит замена своего слова чужим или возникновение наряду со своим словом другого – синонимичного или синонимобразного» [Виноградов 1977: 52].

Развитие словарного состава протекает непрерывно и неравномерно. Непрерывность заключается в том, что язык вбирает в себя старые и новые лексемы, одни из которых исчезают, а другие фиксируются в словарях. Неравномерность изменения лексического состава языка связана с важными историческими и политическими событиями.

Словарный фонд языка является наиболее подвижным, чувствительным к изменениям конструктивным элементом языка. «Почти непрерывные изменения словарного состава, в которых отражается прямая и непосредственная связь языка с производством и всеми другими сферами общественной деятельности, состоят в утрате некоторого количества устаревших слов, в пополнении гораздо большим количеством новых слов, в развитии новых значений у сохраняющихся и активных слов, в образовании новых выражений» [Виноградов 1977: 49].

В этой связи представляет интерес труд В.К. Журавлева «Внешние и внутренние факторы языковой эволюции», в котором автор анализирует процесс взаимовлияния общества и языкового коллектива, изучает систему связей между формированием производственных отношений, становлением духовной культуры и социальной средой языковых изменений.

«В каждом конкретном случае изменения в лексико-семантической системе бывают, как правило, обусловлены целым комплексом различных причин при ведущей роли внеязыкового характера» [Шипицына 2012: 30].

1.2 Изменение названий трудовой деятельности

Трудовая деятельность людей исчисляется тысячелетиями, и в результате ее происходили изменения в языке. С трудовой деятельностью ученые связывают и происхождение языка. Например, Н.Ф. Алефиренко говорит о том, что «теория трудовых выкриков была разработана немецким ученым Людвигом Нуаре путем видоизменения гипотезы естественного звукообразования. Первыми словами, утверждал Нуаре, были те естественные звуки, которые сопровождали трудовые процессы первобытного человека или имитировали их, а также различные рефлексивные выкрики как результат физических усилий. Некоторые из них произносились для ритмизации работы. Позже такого рода выкрики закреплялись за определенными трудовыми процессами и стали их знакообозначениями, т.е. превратились в слова» [Алефиренко 2004: 49].

В своем развитии язык следует за развитием человека. Меняются условия жизни людей, их культура, мышление, взгляды, следовательно, меняются и слова, называющие эти реалии. С развитием общества меняются профессии людей. Новые вытесняют старые, заменяют их. Бурное образование профессий в конце прошлого столетия можно объяснить научно-техническим прогрессом, развитием общества в целом. Неизбежна архаизация слов, обозначающих понятия, оставшиеся в прошлом (историзмы). В качестве примера приведем наиболее интересные из них, а также дадим пояснения, что именно обозначали эти слова: *бадейщик* – бочар, делающий бадьи; *батожник* – служитель с палкой, очищающий дорогу от народа; *говядарь* – пастух, пасущий крупный рогатый скот; *вертохранитель* – сторож сада; *вздымищик* – лицо, занятое погрузкой

товара на весы; *коробейник* – тот, кто торгует мелким товаром вразнос (с короба); *калижник* – тот, кто делает обувь (калиги), башмачник; *истобник* – должностное лицо, придворный или дворовый человек, следящий за чистотой комнат, сеней и лестниц, а также выполняющий некоторые обязанности по управлению хозяйством.

Более подробную их характеристику с иллюстративными примерами можно прочесть в словарях:

1) Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: словарь / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ (1903-1911); т. 1-4. – М.: А/О Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1994.

2) Словарь русского языка [Текст]: словарь / Под ред. А.П. Евгеньевой; в 4-х т.; АН СССР, Институт русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.

3) Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст]: словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1991.

4) Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Школьный словарь устаревших слов русского языка: По произведениям русских писателей XVIII – XX вв. – М.: Просвещение, 1996.

Сложнее разобраться со словами, которые, находясь в активном запасе лексикона грамотного человека, частично изменили свое значение по сравнению с периодом, в котором они возникли. В словарях устаревших слов о них ничего не говорится, поэтому данные лексемы нуждаются в дополнительном комментарии.

В диссертационном исследовании мы попытаемся произвести историко-лингвистический анализ частично и полностью устаревших слов, обозначающих трудовую деятельность людей. В качестве иллюстративного материала мы будем использовать произведения «золотого века» русской литературы. Поскольку «...семантические процессы в лексике языка должны изучаться с учетом лингвокультурологических теорий и принципов антропоцентризма, то есть с учетом человеческого фактора в языке»

[Шипицына 2010: 10], в работе мы будем анализировать лексемы, обозначающие трудовую деятельность людей, как выражение русской культуры, представленной в художественной классике XVIII -XIX веков.

ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА НА ПРОЦЕССЫ ОПРОЩЕНИЯ СТРУКТУРЫ И ЗНАЧЕНИЯ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

2.1. Ведущие понятия раздела

Внутренняя форма слова – морфонологический состав основы, указывающий на мотивированную связь ее звучания с данным значением [СЛТ]. Внутренняя форма отсутствует у многих иноязычных слов, так как значимые части, из которых они состоят, являются значимыми только в тех языках, в которых заимствованное слово было создано. Однако, в том случае, когда из языка-источника заимствовано и корневое слово, внутренняя форма иноязычного производного слова может быть «прозрачной», то есть понятной для носителей языка-получателя.

Внутреннюю форму слова можно определить не только у слов из активного словарного запаса современного русского языка, но и у тех лексических единиц, которые подверглись опрощению. Другое дело, что их внутренняя форма не всегда помогает понять бывшее значение слова, поскольку структура и значение слов могли пережить опрощение.

Опрощение – изменение в морфологическом строении слова, в результате которого производная основа, ранее распадавшаяся на отдельные морфемы, превращается благодаря тесной спайке морфем (корня с аффиксами) в непроедную, морфологически нечленимую [СЛТ]. Наиболее частой причиной опрощения является «утрата данным словом смысловой связи с этимологически родственными ему словами» [Шанский 1959: 195]. Другой причиной является архаизация производящей основы, в том числе и ее полное исчезновение из лексического фонда языка. И, наконец, третья причина опрощения – это изменение звукового облика производного слова, обусловленного действующими фонетическими законами, в результате чего производное слово стало непохоже на исходное.

2.2. Слова с семантическим опрощением

Рассмотрим исконно русские лексические единицы с точки зрения ясности морфемного состава слова и прозрачности его семантического значения. В анализируемых нами единицах встречаются примеры, в которых морфемный состав соответствует современному членению, однако значения данных примеров, в употреблении в прежние времена, не совсем ясные для современного нам читателя. Это происходит в результате семантического опрощения данных лексических единиц. Однако ряд слов имеют ясную внутреннюю форму, помогающую современному человеку понять значение слов, обозначавших давно исчезнувшие занятия людей в прошлых эпохах. Приведем примеры таких слов.

Так, у Н.В.Гоголя в повести «Тарас Бульба» (1835-1841) встречаем: *Она была наполнена вся сидевшими в разных положениях у стен солдатами, слугами, псарями, **виночерпнями** и прочей дворней, необходимою для показания сана польского вельможи, как военного, так и владельца собственных поместьев.*

Из примера следует, что номинация *виночерпний* относился к дворовым людям, виночерпий был прислужником. В словаре Ф.А. Брокгауза дано следующее толкование лексеме *виночерпний*: «Царедворец из ближайшего окружения царя; один или вместе с другими он был ответственным за снабжение царского стола напитками». В данной лексической единице *вино...* – первая часть сложных слов со значением, относящимся к вину, например, *виноматериал*, *винопровод* [ОШ] и *черпать* – захватывая чем-либо, набирать, доставать что-либо жидкое, сыпучее [БТС]. Следовательно, структурного опрощения здесь не наблюдается. Понять лексическое значение единицы можно, так как основы сложного слова до сих пор сохраняют значение, которое было и ранее, в период возникновения данного ремесла, а именно в XVIII веке.

Лексическая единица *городничий* также является примером с «живой» внутренней формой, и, благодаря всем известной комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», остается понятным для современных носителей языка. Это слово активно использовалось и другими писателями, поскольку обозначало важное понятие дореволюционной административной сферы города дореволюционной России.

В повести «Подлиповцы» (1864) Ф.М.Решетников указывает на положение *городничего* в городе: *Подлиповцы узнали также, что их становой и сельский поп еще не большие лица, а в городе есть выше их: исправник, городничий, судья, а над попом благочинный.* Для того чтобы знать, какую именно роль *городничий* исполнял в городе, обратимся к словарю В.И.Даля, в котором сказано, что *городничий* – это «городовой приказчик; полицеймейстер уездного или заштатного города, начальник полиции».

В словаре Д.Н.Ушакова *городничий* – это «начальник города (до половины 19 века)». Аналогичное определение находим в словаре С.И.Ожегова: «В России до середины 19 в.: начальник уездного города». Поскольку мы анализируем номинацию трудовой деятельности в художественной литературе XIX века, то опираться следует на два последних источника, информация в которых отражает положение *городничего* в период XIX века, однако важным моментом в определении В.И.Даля является то, что *городничий* был к тому же начальником полиции. «В 1862 г., после того, как была произведена реформа полиции, звание *городничего* упразднили; *городнические* правления были переименованы в *городские полицейские управления*» [ЭСБЭ].

Лексема *городничий* образована суффиксальным способом (*город* + *нич* (*ий*)). Корень слова восходит к древнерусскому слову *город*, в нем наблюдается полногласие. Лексическая единица *город* образована от общеславянского **gordъ*. В этой связи представляет интерес лексема

градоначальник, образованная путем сложения основ *град* (восходящей к общеславянскому **gordъ*) и *начальник*.

В словаре С.И. Ожегова находим следующее определение данной лексемы: «В России в 19 – начала 20 в.: должностное лицо с правами губернатора, управляющее градоначальством (городом с прилегающими землями), выделенным из губернского подчинения в особую административную единицу, а также вообще (разг.) глава города».

Однако нигде нет указания, был ли *градоначальник* также начальником полиции, а отсюда, можно ли считать лексемы *городничий* и *градоначальник* синонимами, где второе слово заменило первое.

На наш взгляд, их можно считать синонимами. Для подтверждения нашей гипотезы приведем отрывок из комедии Н.В.Гоголя «Ревизор» (1836):

Хлестаков: Ничего...

Городничий: Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений.....

Из примера видим, что городничий называет себя градоначальником, то есть Н.В.Гоголь использует эти лексемы как синонимичные. Таким образом, можно предположить, что слова *городничий* и *градоначальник* были синонимичными образованиями. Обе эти лексемы обладали и до сих пор обладают «живой» внутренней формой, которая и обеспечивает во многом понимание значений этих слов нашими современниками. Фактически лексема *городничий*, а также сложное слово *градоначальник* не изменили своего значения и в XXI веке.

Следующий пример, анализируемый нами – это лексема *дворецкий*.

Дворецкий – «в помещичьем и буржуазном быту: старший слуга, ведающий столом и домашней прислугой» [МАС-2]. В словаре С.И.Ожегова под номером два зафиксировано подходящее нам значение: «В богатом доме: старший слуга, заведующий домашним хозяйством и прислугой».

В качестве примера приведём отрывок из романа И. А. Гончарова «Обрыв» (1869): *И сам Яков только служил за столом, лениво обмахивал веткой мух, лениво и задумчиво менял тарелки и неохотник был говорить. Когда и барыня спросит его, так он еле ответит, как будто ему было бог знает как тяжело жить на свете, будто гнет какой-нибудь лежал на душе, хотя ничего этого у него не было. Барыня назначила его **дворецким** за то только, что он смирен, пьет умеренно, то есть мертвецки не напивается, и не курит; притом он усерден к церкви.*

В.И.Даль указывает на то, что *дворецкий* – «это служитель в барском доме, заведующий столом, питиями, припасами и порядком хозяйства. Это звание при дворе или дворце». Таким образом, лексема *дворецкий* образовано от *двор* (*дворец* изначально), имеет ясную мотивировку. В этих условиях слово *дворецкий* сознание современного человека связывает со словом *двор*. Однако слово *двор* было и остается довольно многозначным, поэтому бывший подлинный смысл слова *дворецкий* не может быть ясным тому человеку, который плохо знает тексты русской классической литературы прошлых веков.

От лексем *стол* образовано две номинации трудовой деятельности: *столоначальник* и *стольник*. Проанализируем эти номинации в целях установления их общих и дифференциальных признаков. **Столоначальник** – «Чиновник, начальник стола в дореволюционной России» [МАС-2]. В словарной статье к слову *стол* у В.И.Даля указано, что «*столоначальник*, заведующий канцелярским столом, разрядом казенных письменных дел» [Даль], где *стол* приводится в значении «в канцеляриях, известный разряд дел, в ведении одного чиновника, с помощником и писцами». Таким образом, *столоначальник* – это работник «заведующий канцелярским столом» в период с 1811 по 1917 год.

В рассказе Ф.М.Достоевского «Скверный анекдот» (1862) встречаем такую характеристику столоначальника: *К невыразимому своему удовольствию и даже счастью, Иван Ильич тотчас же распознал*

столоначальника из своей канцелярии, Акима Петровича Зубикова, с которым он хоть, конечно, и не был знаком, но знал его за дельного и бессловесного чиновника. Он немедленно встал и протянул Акиму Петровичу руку, всю руку, а не два пальца. Тот принял ее обеими ладонями в глубочайшем почтении.

Лексема *стольник* существовала в двух значениях. В словаре В.И.Даля: «придворный сан, смотритель за царским столом вообще; комнатный стольник состоял при столе царской семьи». Ф.А.Брокгауз и И.А.Эфрон также указывают на то, что «первоначальное назначение *стольника* было служить за столом государя, подавать ему блюда и наливать напитки в чаши, откуда и другое их название – *чашники*». В качестве примера, иллюстрирующего данное значение лексемы, приводим отрывок из романа А. К. Толстого «Князь Серебряный» (1861-1863): *Хороши и вкусны были также зайцы в лапше, и гости, как уже ни нагрузились, но не пропустили ни перепелов с чесночною подливкой, ни жаворонков с луком и шафраном. Но вот, по знаку **стольников**, убрали со столов соль, перец и уксус и сняли все мясные и рыбные яства.*

Затем *стольники* стали «назначаться также на воеводские, посольские, приказные и другие должности. В XVII веке особо приближённые к царю *стольники* назывались «ближними» или «комнатными» *стольниками*. По росписи чинов XVII века *стольники* занимали пятое место после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков» [БСЭ].

А.Н.Толстой в «Повести Смутного времени» (1922) упоминает о стольнике именно в необходимом для нас значении: *На Петров день **стольник** Мясев, наш воевода, велел одного купчишку схватить, его схватили, и били на площади кнутом, и пол-языка ему резали.*

Таким образом, лексемы *столоначальник* и *стольник*, имея общую производящую основу *стол* (в сложном слове *столоначальник* две части, вторая часть его (*начальник*) нами в поле зрения не берется), совершенно отличаются лексическим значением. Морфемные значения данных единиц

ясны, но они не помогают понять лексическое значение слова, поскольку бывшего значения у слова *стол* в современном языке уже нет. Таким образом, эти лексемы еще в большей степени, чем слово *дворецкий*, испытали на себе процесс семантического опрощения при наличии ясной мотивировки структурного характера и, можно сказать, «живой» внутренней форме как морфемного наследия слова.

В словарной статье к лексеме *стольник* Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона указано на синонимичность слов *стольник* и *чашиник*. Подробнее проанализируем лексему *чашиник*.

В словаре под редакцией А.П.Евгеньевой приводятся два значения данной лексемы. В первом значении слово *чашиник* является синонимичным слову *стольник*: «Придворный чин, должностное лицо на Руси в 16—17 веках ведавшее напитками для царского стола и прислуживавшее царю на званых и праздничных пирах».

*Государь спросил о здоровье послов, сел за свой стол, и все собеседники заняли свои места. У царского стола стояли крайчий, **чашиник** с помощниками и **стольники** в богатых светлых ферязях и высоких собольих шапках. Собеседники сидели за столом без шапок, но **стольники** и бояре, смотревшие при столе за порядком и наряжавшие вина, равно как и вся прислуга, были в шапках* (Ф. В. Булгарин «Димитрий Самозванец» (1830). Для нас очевидно, что в приведенном примере есть указание на разделение выполняемых обязанностей между *стольником* и *чашиником*, так как главное, за что отвечал *чашиник* – это напитки. В качестве подтверждения приводим словарную статью к слову *чашиник* В.И.Даля: «*Чашиник* – придворный виночерпий, у кого напитки в ведении и чарочки под рукою». Таким образом, синонимичность данных лексем является спорной. Из анализа следует, что *стольник* в своем начальном значении стоял над *чашиником*, руководя всем царским столом. В определении В.И. Даля имеется еще одно название прислужника за царским столом – *чарочник*. Полагаем, что его

внутренняя форма настолько сильно проявляется, что обеспечивает понимание этого слова нашими современниками и без словарей.

Проанализированные выше слова можно отнести к разряду историзмов. Их особенностью оказывается то, что их ясная внутренняя форма обеспечивает понимание структуры слова и его морфемного строения, но мало помогает в семантизации слова сама по себе. В данном случае необходимо опираться на знание культуры того времени, в частности, на знание быта и обихода царского двора, в котором даже процедура приема пищи, а тем более устройство застолья с приглашенными гостями было обставлено сложным церемониалом при активном в нем участии прислужников самого разного типа и ранга с мелкой дифференциацией их обязанностей.

Следующим примером слов с семантическим опрощением при ясной морфемной и словообразовательной структуре слова является лексема *сотник*.

В словаре В.И.Даля приводится словарная статья к лексеме *сотня*, являющейся производящей основой лексемы *сотник*: «сто, десять десятков, два с половиною сорока. Встарь полки делились на сотни. Казачьи полки и ныне разделены на сотни» отсюда «сотенный голова или *сотник*, начальник сотни». Таким образом, *сотник* – «командир сотни в стрелецких войсках Русского государства в 16—17 веках» [МАС-2].

В качестве примера, иллюстрирующего значение данной лексемы, приводим отрывок из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1835-1841): *Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех **сотников** и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час их представил, говоря: «Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю».*

Лексема *сотник* обладает «потухающей» внутренней формой, так как значение производящей основы современному читателю известно, однако оно не раскрывает значения производного слова.

Примером слова с «потухающей» внутренней формой является также слово *душеприказчик*.

В дореволюционной России *душеприказчик* – это лицо, на которое завещатель возлагал исполнение завещания [МАС-2]

А. И. Герцен в романе «Былое и думы» (1864) так говорит о душеприказчиках: *Прежние ткачи судьбы, все эти Вулканы и Нептуны, приказали долго жить. Душеприказчики скрывают от нас их завещание, а покойники нам завещали свою власть. — Но если, с одной стороны, вы отдаете судьбу человека на его произвол, а с другой — снимаете с него ответственность, то с вашим учением он сложит руки и просто ничего не будет делать.*

В анализируемой словарной единице основа сложного слова *душа* употреблена в значении *человек*. *Приказчик* от *приказывать* в значении «поручать, отдавать на руки, на попечение, отдать под чье начальство» [Даль]. При понимании лексического значения основ сложного слова в целом, в лексеме *душеприказчик* «потухающая» мотивация, так как в ней нет прямого объяснения смысла лексемы. Поскольку *душа* в значении *человек* в современном русском языке не употребляется, то, при ясном морфемном составе анализируемой единицы, её лексическое значение является сложным для понимания непросвещённому человеку, не знающему ни культуру русского народа прошлых веков, ни тексты русской классической литературы.

Среди анализируемых нами лексем следует привести слово *стремянный*, которое также обладает «потухающей» внутренней формой.

Стремянный – «слуга, конюх, ухаживающий за верховой лошастью, а также слуга, сопровождающий барина во время охоты» [МАС-2]. Производящей основой лексемы *стремянный* является слово *стремя*. В словаре В.И. Даля приводится такая статья: «часть верховой конской сбруи: железная дуга, дужка с проушиной и с донцем, подвешиваемая к седлу на путлице (ремне), для упора ног всадника». Существуют фразеологизмы,

иллюстрирующие переносное значение слова *стремя*: *Вступить в стремя* со значением «выйти из младенческого возраста». *Вступать в отцовское стремя* - пойти по следам отца. *Держать кому-либо стремя* - служить, покорно прислуживать. Далее В.И.Даль указывает: «стремянный, ко стремени относящийся. Конюх, при вершнике, принимающий от последнего лошадь и подающий ему стремя». Во время охоты стремянный всё время находился рядом с господином. Стремянный подводил царю коня, ходил рядом со стременем».

В качестве иллюстративного примера приводим отрывок из повести А.С.Пушкина «Барышня-крестьянка» (1830): *В одно ясное, холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень) Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом, на всякий случай взяв с собою пары три борзых, **стремянного** и несколько дворовых мальчишек с трещотками <...> Между тем **стремянный** привёл виновную лошадь, держа её под уздцы. Он помог Муромскому взобраться на седло, а Берестов пригласил его к себе.*

Другим не менее ярким примером может служить отрывок из сказки П.П. Ершова «Конек-Горбунок» (1830), в которой за хорошие дела царь назначает Иванушку стремянным и посылает на различные задания:

Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой –
*Будь же царский **стремянной** <...>*
А Иванушка Петрович
Говорит: "Известно, мной!
*Вишь, я царский **стремянной**;*
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я ее доставил
В три недели во дворец;
А не то меня, отец,
Посадить грозился на кол".

То есть стремянной мог работать у царя и в качестве посыльного, так как он управлял лошадей и вмиг мог преодолеть необходимое расстояние.

Поскольку в XXI веке уже не актуально использование лошадей для транспорта, за исключением деревень, где лошадь остается одним из главных «кормильцев», лексема *стрема* также постепенно уходит в пассивный запас. Следовательно, значение лексической единицы *стреманный* на сегодняшний день является практически непонятным для молодых жителей современного большого города, однако оно еще не утратило полностью своей мотивировочной основы для людей, занимающихся конным видом спорта. Таким образом, лексема *стреманный* обладает «потухающей» внутренней формой и снижает сферу своего употребления.

Кроме слов с потухающей внутренней формой в системе устаревших названий человека по роду его трудовой деятельности есть и такие слова, которые почти полностью пережили двойное опрощение, то есть не только семантическое, но и структурное.

В качестве примера слова с «неживой» внутренней формой можно привести лексему *корчмарь*.

Корчмарь – слово, с давно устаревшим значением. В рассказе А.И.Куприна «Конокрады» (1903) читаем: *Ты послушай, что дальше было. Сховался я за **корчмой** и смотрю. Вот немец покрутился возле хургона и кричит: «Лейба, неси сюда овес!» Лейба, **корчмарь**, вынес ему четверть и спрашивает: «А отчего бы вам у меня в **корчме** не заночевать? Коней бы покормили». А тот говорит: «Нет, спасибо вам, мне нема часу, дуже далеко ехать. А коней, говорит, я в лесу покормлю, у Волчьего Разлога. Отсюда мы узнаем, что *корчмарь* – это хозяин *корчмы*. В словаре мы находим аналогичное значение: «Содержатель, хозяин *корчмы*» [МАС-2]. Следовательно, для того, чтобы понять этимологическое значение слова *корчмарь* необходимо обратиться к истории слова *корчма*. В словаре В.И.Даля представлено такое значение: «Кабак, питейный дом вольной*

продажи; заезжий и постоянный двор, где держат напитки». Однако значение слова *корчма* не дает возможности восстановить этимологию исходного слова. Для этого обратимся к производящему слову *корец*. В словаре В.И. Даля приводятся несколько значений этого слова. Наиболее близкое к нашей лексической единице значение: «Корчик умалит. (Тамб). ковш, особенно железный, для черпанья воды, кваса». Слово *корец* образовано от слова *кора*, так как в более древние времена и в бедных семьях его изготавливали из березовой коры, скручивая ее в виде треугольного стакана.

Таким образом, мы восстановили внутреннюю форму слова *корчмарь*, путем реконструкции производящих лексических единиц.

Выводы по главе

Часть слов в современном русском языке пережили опрощение, то есть утратили связь между производящей основой и производной лексемой. В связи с этим внутреннюю форму в них выявить достаточно сложно.

В данной главе мы попытались расклассифицировать исконно русские слова, обозначающие трудовую деятельность, на такие, которые имеют ясную внутреннюю форму, помогающую современному человеку понять значения давно исчезнувших занятий людей. Среди них *виночерный* (понять лексическое значение единицы можно, так как основы сложного слова до сих пор сохраняют значение, которое было и ранее), *городничий* и синонимичный с ним *градоначальник* (фактически обе лексеммы не изменили своего значения и в XXI веке), *дворецкий*, *столоничальник*, *стольник*, *чашиник*. Особенностью перечисленных лексических единиц оказывается то, что их ясная внутренняя форма обеспечивает понимание структуры слова и его морфемного строения.

Примерами лексем с семантическим опрощением при ясной морфемной и словообразовательной структуре слова являются такие как: *сотник*, *душеприказчик*, *стремянной*. Анализируемые единицы обладают «потухающей» внутренней формой, так как производящие основы в них либо

утратили свое исконное значение, либо утрачивают, постепенно уходя в пассивный запас. Лексическое значение данных слов является сложным для понимания непросвещённому человеку, не знающему ни культуру русского народа прошлых веков, ни тексты русской классической литературы.

Кроме слов с ясной и потухающей внутренней формой в системе устаревших названий человека по роду его трудовой деятельности есть и такие слова, которые почти полностью пережили двойное опрощение, то есть не только семантическое, но и структурное. К числу слов с «неживой» внутренней формой относится лексема *корчмарь*. Для того чтобы понять значение данного примера, мы произвели реконструкцию производящей основы и таким образом восстановили внутреннюю форму слова *корчмарь*.

СИСТЕМНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОМИНАЦИЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3.1 Системный подход при анализе трудовой деятельности

Системный подход является одной из основ общей методологии лингвистики.

Системный подход направлен на определение места языковой единицы в системе, на выявление ее отношений с другими единицами в языковых подсистемах. Исследования в области языкознания свидетельствуют о том, что любой язык является системой, то есть представляет собой упорядоченную совокупность (или множество) языковых элементов, находящихся в отношениях взаимосвязи и взаимозависимости, благодаря чему они образуют единое целое, которое характеризуется и единством функционирования. Каждый элемент системы существует не изолированно, а лишь в комплексе его отношений с другими элементами системы, которые и определяют его место в ней.

Отсюда вытекает, что системный подход – это рассмотрение слова в его взаимосвязях с другими элементами системы: семантических (по значению) и структурных (по строению).

При семантическом системном подходе внимание сосредоточивается на значении языковых единиц. При использовании семантического подхода необходимо установить между исследуемыми единицами определенные семантические отношения, то есть сходство и отличие в плане содержания. Общие и дифференциальные признаки позволяют увидеть взаимосвязь анализируемых лексических единиц.

Структурный подход предполагает отвлечение от содержательной стороны языковой единицы для рассмотрения ее формы, то есть для сопоставления лексических единиц с точки зрения их строения.

В качестве лексем и устойчивых выражений, нуждающихся в системном анализе, то есть анализе с точки зрения взаимосвязи и взаимодействия, мы будем использовать такие номинации, как *корчма*, *постоялый двор*, *кабак*, *подворье*, *почтовая станция*. В данных лексических и фразеологических единицах есть общие и дифференциальные признаки, которые мы в ходе анализа попытаемся выявить.

В словаре В.И. Даля указано, что *корчма* – кабак, питейный дом вольной продажи; заезжий и постоялый двор, где держат напитки [Даль]. Исходя из определения, можно говорить о том, что Даль указывает на синонимичность понятий *корчма*, *постоялый двор* и *кабак*. В таком случае, непонятно, для чего необходимо существование различных номинаций одного и того же заведения? Это и необходимо выяснить.

В качестве примера из художественного текста, где есть упоминание о корчме, можно привести «Письма русского путешественника» (1973) Н.М. Карамзина: «Дорога усеяна **корчмами**, и все они в проезд мой были наполнены гуляющим народом — праздновали троицу». Из примера следует, что корчмы располагались на дорогах между населенными пунктами.

«— Те, которые едут не на почтовых, должны останавливаться в **корчмах**. Впрочем, я почти совсем не видал проезжих: так пуста эта дорога в нынешнее время», - указывает в своих письмах путешественник Н. М. Карамзина. Это является важным замечанием, поскольку здесь прослеживается отличие *корчмы* от *почтовой станции*.

В повести Т.Г.Шевченко «Музыкант» (1855) встречаем: *Делать нечего, отправился я к жида в **корчму** и нанял у него (разумеется, за жидовскую цену) клячуна пять верст до какой-то фермы. А там, уверял меня жид, хоть четверку можно нанять до самой Прилуки*». Из данного замечания узнаем, что в корчме, как и на *почтовой станции*, можно было нанять лошадь.

Таким образом, *корчма* представляла собой строение, находящееся на «большой» дороге, где был возможен ночлег, смена лошадей, а также можно было поесть и выпить.

В XII—XIII вв. среди первых заведений гостеприимства в Киевской Руси были *постоялые дворы*, расположенные друг от друга на расстоянии конного перехода (25 км), которые называли «ямами». Они предоставляли приют и питание для всех категорий путешественников и не отличались особым комфортом. Здесь можно было разместить транспортные средства, то есть предлагали услуги «постоя». С развитием почтового сообщения в XV в. постоянные дворы создают у почтовых станций.

Постоялые дворы существовали в России очень давно; содержались они хозяевами, бравшими с людей проезжающих и останавливающихся на постоянных дворах пошлину — *постоялое*. В XVIII в. постоянные дворы строились и в городских поселениях, и на дорогах, и в селах. С 1832 г. при них стали строить харчевни. Назначение постоянных дворов — давать приют и продовольствие проезжающим [ЭСБЭ]. Постояльный двор – это постройка для ночлега с помещением для лошадей и экипажей, часто с трактиром.

Постоялый, то есть соотносящийся со значением существительного *постой*. В словаре Д.Н. Ушакова зафиксировано два значения лексемы. Нам ближе второе значение: «Ночевка, проживание в нанятом помещении» [ТСУ]. То есть в значении производящей основы указана главная функция постоянного двора – предоставление ночлега.

В качестве примера можно привести «Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия» (1786-1787) Д. И. Фонвизина: *Поутру приехали в город Севск и стали у Петра Васильевича Волкова. Теодора изготовила нам изрядный обед. В четвёртом часу мы оттуда выехали и ввечеру остановились у первого малороссийского **постоялого двора**, где и ночевали* Таким образом, общим признаком для *корчмы* и *постоялого двора* является то, что в них можно ночевать.

«Одна из главных выгод охоты, любезные мои читатели, состоит в том, что она заставляет вас беспрестанно переезжать с места на место, что для человека незанятого весьма приятно. Правда, иногда (особенно в

дождливое время) не слишком весело скитаться по просёлочным дорогам, брать «целиком», останавливать всякого встречного мужика вопросом: «Эй, любезный! как бы нам проехать в Мордовку?», а в Мордовке выпытывать у тупоумной бабы (работники-то все в поле): далеко ли до **постоялых двориков** на большой дороге...» (И.С.Тургенев. Лебедянь (1848). Из контекста видно, что *постоялые дворы* могли находиться между населенными пунктами на «большой» дороге, что характерно и для *корчмы*.

Таким образом, *постоялые дворы* принимали горожан, извозчиков, а также целые обозы (с проживанием, питанием и уходом за лошадьми).

В качестве следующего примера приведём лексему *подворье*. В.Даль дает такое определение данному слову: «Заезжий, постоялый двор, въезжая изба, с мостом для лошадей и возов; гостиница; в Москве много постоялых дворов сохранили старое название подворья». Отсюда мы узнаем, что слово *подворье* синонимично слову *постоялый двор*, *подворье* – старое название *постоялого двора*.

Для того чтобы убедиться в правильности нашего суждения, приводим пример из романа М.Н.Загоскина «Брынский лес» (1846): *Сюда, направо, Дмитрий Афанасьич, ступай за мной, — прибавил Колобов, начиная спускаться с крутой деревянной лестницы, которая <...> вела на одну из улиц Зарядья. Зарядье, то есть часть города, находящаяся за рядами, и теперь составлена почти из одних въезжих домов, **подворьев** и харчевен. Нынешние постоялые дворы по большим дорогам могут дать понятие о тогдашних **подворьях** Зарядья; они были только гораздо обширнее, и, вместо одной большой избы, составлялись иногда из трех или четырех изб, соединенных меж собою крытыми переходами; тут были и зимние теплые хаты с широкой печью и полатями, и летние светлицы с красивыми резными скамьями, дубовым чистым столом и оловянным висячим умывальником.*

Приведенный нами пример дает возможность представить внешний вид *подворья*, а также помогает выявить отличия между *подворьем* и *постоялым двором*, которые, однако, не существенны при нашем анализе.

В толковом словаре Д.Н.Ушакова зафиксировано три значения данной лексемы. Ближе всего для нас первое значение: «Дом в городе с хозяйственными постройками, принадлежащий лицу, постоянно проживающему в другом месте, и служащий для временных остановок, хранения товаров». Следовательно, *подворье* в отличие от *постоялого двора* размещалось только в населенном пункте.

«В русском языке новейшего времени слово *подворье* стало активно использоваться в составе номинативно-терминологических словосочетаний для обозначения самых разных реалий действительности, например, коттеджных развлекательных и туристических комплексов («*Чудское подворье*», «*Мышкино подворье*», «*Гостевое подворье*», «*Питейное подворье*», «*Банное подворье*»), в онимах, маркирующих различные фирмы, усадьбы фермеров, магазины и другие торговые точки, частные мелкие и средние предприятия («*Алексеевское подворье*» – *изготовление мебели в национально-русском стиле*», «*Веселое подворье*» - *накормим и развлечем*», наконец просто *Фермерское подворье* – неофразема, зафиксированная в словаре ТСЯИ со значением «хозяйство фермера»)» [Шипицына 2012: 57].

Следующим близким по значению примером является *кабак*.

Кабак – питейный дом, место продажи водки, иногда также пива и меду. Кабаком называют собственно откупное питейное заведение [Даль].

В романе И.С.Тургенева «Новь» (1877) читаем: «*Небольшая деревенька Маркелова <...> Дело было под воскресенье; на улицах уже не было прохожих, но в кабаках еще толпился народ*». Из данного примера следует, что в отличие от предыдущих двух заведений *кабак* располагался в населенном пункте. Он не подразумевала ночлега. Это было своего рода развлекательное заведение для местного и заезжего народа.

И, наконец, последний пример – *почтовая станция*.

Почтовая станция - место остановки путников; место, где меняют, берут свежих почтовых лошадей. «В 70-е годы XVIII века сложилась та система почтовой связи и перевозки пассажиров «на почтовых», которая,

почти не изменяясь, существовала до середины XIX столетия. Устроенные за счет казны *почтовые станции* (станы) отдавались на содержание частным лицам». Теофиль Готье в книге «Путешествие в Россию» (1859) отмечал: *«Мы прибыли к почтовой станции, которую сразу узнаешь по белому фасаду и портику с колоннами. Все почтовые станции одинаковы и построены от одного края империи до другого по одному и тому же установленному образцу. Нас с нашими вещами переселили в другую телегу, которая тут же и отправилась в путь».*

У Н.В. Гоголя в «Выбранных местах» (1843-1847) встречаем: *«... до сих пор остаются так же пустынные, грустные и безлюдные наши пространства, так же бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашей крышей, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге, и дышит нам от России нерадушным, родным приемом братьев, но какой-то холодной, занесенной вьюгой почтовой станцией, где видится один ко всему равнодушный станционный смотритель с черствым ответом: «Нет лошадей!» Отчего это? Кто виноват? Мы или правительство?».* Было на почтовой станции и отдельное помещение для питания, сна и отдыха ямщиков.

Выше мы попытались проанализировать выбранные нами лексемы с точки зрения их семантики, опираясь на примеры из классической литературы. Для того чтобы более наглядно представить себе сходства и отличия перечисленных номинаций, мы составили таблицу, где отражены общие и дифференциальные семы анализируемых лексем. В лингвистическом словаре находим, что *сема* – это минимальная, предельная единица плана содержания. Семы представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности. Сема является единицей компонентного анализа при исследовании семантического поля слов и установлении их сходства и различия [ЯЗ].

Лексемы	Семы					
	Ночлег	Расположение		Питание	Сон	смена лошадей
		на дороге	в населенном пункте			
Корчма	+	+	+	+	+	+
Постоялый двор	+	+	+	+	+	+
Подворье	+		+	+	+	
Кабак			+	+		
Почтовая станция	+	+		+	+	+

3.2. Культурологический подход при анализе исполнителей трудовой деятельности

Лингвистика в XXI веке стремительно разрабатывает «направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. Фундаментальные основы такого подхода были заложены трудами В.Гумбольдта, А.А.Потебни и других ученых» [Маслова 2001: 1].

Язык не только связан с культурой: он растет из нее и выражает ее. Язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения (в виде текстов) культуры, и ее частью. На основе этой идеи на рубеже тысячелетий возникает новая наука – лингвокультурология.

Термин «лингвокультурология» появился в последнее десятилетие в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н. Телия, работами Ю.С. Степанова, А.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, В.А. Масловой А.Т. Хроленко, С.А. Кошарная и других исследователей. Если культурология

исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

Лингвокультурология – это «отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии...», «интегративная область знаний, вбирающая в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [Маслова 2001: 9].

В.В. Воробьев определяет лингвокультурологию следующим образом: это «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 1997: 36-37].

Таким образом, лингвокультурология – синтетическая дисциплина, образовавшаяся на стыке дисциплин и, следовательно, сочетающая в себе лингвистические и культурологические задачи, что оказывается весьма важным фактором для нашего исследования, базирующегося как на лингвистической теории (архаизмы и историзмы, обозначающие номинацию трудовой деятельности), так и на важных культурологических аспектах (трудовая деятельность как выражение русской культуры, представленной в художественной классике XVIII -XIX вв.).

В литературе XIX века образ дороги представлен в разнообразных значениях. Это многообразие понятия дороги помогает читателю глубже осознать величие творения классиков, их взгляды на жизнь и окружающее общество, на взаимодействие человека и природы. Пейзажные зарисовки,

связанные с восприятием дороги, зачастую несут в себе идейную направленность всего произведения или отдельно взятого образа.

Дорога – это древний образ-символ, поэтому его можно встретить как в фольклоре, так и в творчестве многих писателей-классиков, таких, как А.С.Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Н.А. Некрасов, Н.С. Лесков.

Но дорога всегда сопровождается остановками на ночлег, для смены лошадей, отдыха. Неслучайно, в классической литературе так часто упоминаются корчмы, постоялые дворы, почтовые станции. Их управляющие являются выражением эпохи, олицетворением ушедшей в прошлое культуры.

В настоящее время сложно где-либо узнать о взаимоотношениях работников данных заведений с постояльцами. Единственное, что позволяет глубже проникнуть в их взаимоотношения, это литература. В творчестве отдельных писателей не просто вскользь упоминается о таких работниках, но дается их оценка с точки зрения либо самого писателя, либо тех, кто взаимодействует с данными лицами. Именно поэтому при освещении культурологического аспекта, то есть при характеристике работников различных заведений как выразителей культуры эпохи, мы будем опираться на русскую классическую литературу.

Должность *станционного смотрителя* была угнетающей. Скромное жалованье, постоянные недовольства со стороны проезжающих, тяжелые жилищные условия, при сильных снежных бурях зимой. Всё это «закаляло» станционных смотрителей, они становились черствыми, проницательными людьми с тяжелым характером.

У Н.В. Гоголя в «Выбранных местах» (1843-1847) встречаем: *«... до сих пор остаются так же пустынно, грустны и безлюдны наши пространства, так же бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашею крышей, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге, и дышит нам от России нерадушным, родным приемом братьев, но какой-то холодной, занесенной вьюгой почтовой станцией, где видится один ко всему равнодушный*

станционный смотритель с черствым ответом: «Нет лошадей!» Отчего это? Кто виноват? Мы или правительство?».

Однако существуют и положительные отзывы о станционных смотрителях: *«Почтовое устройство до самого Петербурга нашли мы в совершенном порядке; нигде не встречали неудовольствий. Вежливость станционных смотрителей и ямщиков и успешность в перемене лошадей и по дороге неожиданно нас порадовали, особенно после грубости под Москвой от самого Нижнего (В. Н. Баснин. Петербургские впечатления молодого сибиряка в 1828 г. (1828).*

А.С.Пушкин в «Повестях Белкина» подробным образом характеризует образ *станционного смотрителя: Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? <...> Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам?*

Затем писатель пытается ответить на вопрос: *Что такое станционный смотритель? Суший мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский?*

Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут - а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей? Божже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца.

Раскрывая суть непосильного труда смотрителей, А.С.Пушкин пытается отразить положительные стороны людей данного рода занятий,

вызвать у читателя жалость к станционным зрителям: *Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. <...> покамест скажу только, что сословие **станционных зрителей** представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные зрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (кои нехотят пренебрегать господом проезжающим) можно почерпнуть много любопытного и поучительного.*

Таким образом, мы узнаем, что должность *станционного зрителя* была незавидной. Проезжающие относились к ним с неуважением, как к «извергам человеческого рода». Именно поэтому зрители постепенно сами теряли всю теплоту человеческого сердца, присущую им, становясь озлобленными, черствыми людьми.

Корчмарь в литературе также получает неоднозначную оценку.

Повесть в повести Т.Г.Шевченко «Капитанша» (1855) положительно характеризует *корчмаря*, восхищаясь им и завидуя ему: *А около нее сидел Туман, с улыбкою покручивая белые усы свои. Я смотрел на него не как на простого **корчмаря**-ветерана, а как на рыцаря великих нравственных подвигов, как на человека-христианина в самом обширном смысле этого слова. И, признаюсь, завидовал ему. Он в моих глазах казался совершенно счастлив, да иначе и быть не могло. Человек, так высокоблагородно исполнивший свои обязанности в отношении к ближнему, даже в нищете и одиночестве должен быть счастлив.*

Важным для повествователя является тот факт, что *корчмарь* «высокоблагородно» исполняет свои обязанности и неважно, богат он будет или беден, главное, что *корчмарь* «должен быть счастлив». Кроме того мы видим дополнительную характеристику *корчмаря*. Он был ветераном. Напротив, в следующем примере Н.В. Гоголь в повести «Тарас Бульба» (1835-1841) дает негативную оценку *корчмарю*, указывая на то, что он был

жидом: *Этот жид был известный Янкель. Он уже очутился тут арендатором и **корчмарем**; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: всё валилось и дряхло, всё пораспивалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожару или чумы, выветрился весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкель, то он, вероятно, выветрил бы и всё воеводство.*

Д.Н.Ушаков указывает на то, что в переносном значении *жид* – это «скряга». Именно это определение является ведущим при отрицательной коннотации лексемы *корчмарь*.

Для характеристики *хозяина постоялого двора* приведем следующий пример: *Какой-то седенький **мужичок** в лаптях и армячке, старый, сухонький, но легкий на ногу и проворный, подбежал к нам, точно по воздуху прилетел — так неслышно и легко ступал он своими лаптями по проталинке, — и пригласил на **постоялый двор**. Этот **мужичок** как нельзя лучше поддерживал наше детское расположение духа. Он проводил нас на **постоялый двор**, привел в чистую комнату наверх, добыл хозяйку, и все проворно, но не спеша — такая у него была натура «легкая». Маленький, кособокий, но ясный как солнце, мгновенно вскипевший под руководством проворного **старичка** самовар был для нас мил в эти минуты необыкновенно. Но всего был милей **старичок**, которого звали Карнием.* (Г.И. Успенский. Малые ребята (1880). В данном отрывке повествователь положительно отзывается о *хозяине постоялого двора*. Теплом и добротой веет от слов, которыми повествователь характеризует «старичка».

Таким образом, нами были проанализированы три лексемы: *станционный смотритель*, *корчмарь*, *хозяин постоялого двора*, в которых отражается история и многовековой опыт трудовой деятельности народа. Благодаря русской классической литературе нам удалось установить, что коннотативная окраска вышеназванных лиц была неоднозначной.

Выводы по главе

Системный и культурологический подходы являются важной частью анализа историзмов и архаизмов, обозначающих номинацию трудовой деятельности человека.

При системном подходе определяется место языковой единицы в системе подобных единиц, выявляются ее отношения с другими единицами в языковых подсистемах. Системный подход мы реализовывали на примере таких лексико-фразеологических средств, как *корчма*, *постоялый двор*, *подворье*, *кабак*, *почтовая станция*. Сопоставляя общие и дифференциальные семы анализируемых лексем, мы установили особенности вышеперечисленных заведений, их свойства, сходства и различия. Необходимость существования различных номинаций похожих заведений оказалась оправданной, поскольку каждое из них имеет определенные, свойственные только ему характеристики. Однако бесспорным является тот факт, что все они обладали рядом общих признаков, главным из которых является *питание*.

Культурологический подход мы реализовывали на примере анализа исполнителей трудовой деятельности как представителей русской культуры, отраженной в художественной классике XVIII -XIX веков. Анализ таких лексем, как *станционный смотритель*, *корчмарь*, *хозяин постоялого двора* позволил установить, что литературе нам удалось установить, что коннотативная окраска вышеназванных лиц была неоднозначной.

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ ДИАГНОСТИРУЮЩИХ ИСТОРИЗМОВ

Язык представляет собой сложную динамическую систему, находящуюся в вечном развитии и изменении. Именно поэтому одной из главных проблем в лингвистической науке является проблема языковой непостоянности, изменчивости. Самым ярким примером эволюционирующего характера языка является постоянное изменение его словарного состава.

В своем развитии язык следует за развитием человека. Меняются условия жизни людей, их культура, мышление, взгляды, следовательно, меняются и слова, называющие эти реалии. С развитием общества меняются профессии людей. Новые вытесняют старые, заменяют их. Неизбежна и архаизация слов, обозначающих понятия, оставшиеся в прошлом (историзмы).

В данной главе мы проанализируем ответы обучающихся, в которых представлено знание историзмов, для того, чтобы установить роль внутренней формы в семантизации современными носителями языка семантики устаревшего слова, на примере слов *виночерпий*, *городничий*, *градоначальник*, *душеприказчик*. В качестве иллюстративного материала мы будем использовать произведения «золотого века» русской литературы.

4.1 Анализ лексемы *виночерпий*

Рассмотрим исконно русские лексические единицы с точки зрения ясности морфемного состава слова и прозрачности его семантического значения. В анализируемых нами единицах встречаются примеры, в которых морфемный состав соответствует современному членению, однако значения данных примеров не совсем ясные для современного нам читателя. Это

происходит в результате семантического опрощения данных лексических единиц.

Ряд слов имеет ясный морфемный состав, но это не помогает современному человеку понять значение слов, обозначавших давно исчезнувшие занятия людей в прошлых эпохах. Проиллюстрируем данную мысль с помощью лексемы *виночерпий*. Понять лексическое значение единицы можно, так как основы сложного слова до сих пор сохраняют значение, которое было и ранее, в период возникновения данного ремесла, а именно в XVIII веке.

В словаре Ф.А. Брокгауза дано следующее толкование лексеме *виночерпий*: «Царедворец из ближайшего окружения царя; один или вместе с другими он был ответственным за снабжение царского стола напитками».

Царедворец – это «лицо, занимающее должность при царском дворе, придворный» [ТСУ], то есть «1. Относящийся ко двору великого князя, монарха. П. чин. 2. Лицо, состоящее при монархе (а также при члене его семьи), входящее в его окружение» [ОШ]. Следовательно, *виночерпий* обеспечивал качество вина, был ответственен за благополучие царского двора в этом важном деле. Он еще и снабженец, должен знать, откуда надо получать лучшее вино. Внутренняя форма слова («вино... – первая часть сложных слов со значением, относящимся к вину, например, *виноматериал*, *винопровод*» [ОШ] и «*черпать* – захватывая чем-либо, набирать, доставать что-либо жидкое, сыпучее» [БТС]) указывает на сферу занятий лица, но не совпадает с лексическим значением устаревшего слова.

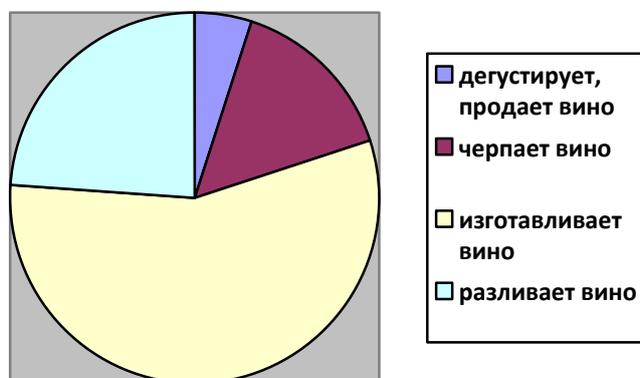
Таким образом, из вышеизложенного толкования можно сделать вывод, что *виночерпий* – это лицо при царском дворе, занимающееся снабжением вина. Этого определения достаточно для того, чтобы иметь общее представление о лексеме.

Теперь рассмотрим ответы опрашиваемых обучающихся.

Поскольку наше исследование найдет применение, главным образом, в педагогической практике учителя-словесника, респондентами стали учащиеся 5-х, 7-х, 8-х классов. Ученикам необходимо знать значение данных языковых единиц, поскольку ими богаты русские классические произведения.

Среди детей в возрасте 11 – 12 лет (5 класс) нами было опрошено 22 человека. Из них 12 человек ответили, что *виночерпий* – это человек, *изготавливающий вино (винодел, винокур)* (56%); 5 человек ответили, что это *служащий, который разливает вино* (24%); 3 человека, исходя из словообразовательной структуры слова, ответили, что *виночерпий* - это тот, *кто черпает вино* (15%). Опрашиваемые не указали значения слова *черпает*. Остается неясным, понимают ли учащиеся значение данной лексической единицы. Также единичными ответами стали такие, как *человек, который продает вино*, и *человек, который дегустирует вино* (по 5 %).

Виночерпий (респонденты – 5 класс)

Таким образом, мотивирующей частью для объяснения лексического значения стала первая часть сложного слова (*вин-*). 15% опрошенных возрастной категории 11 -12 лет раскрыли лексическое значение лексемы, выделив корни и преобразовав сложное слово в словосочетание (*виночерпий* – *черпать вино*). Однако значение второй части слова (*-черп-*) не было раскрыто, что не дает представление о понимании учащимися лексического значения данной корневой морфемы.

Остальные 85% опрашиваемых для раскрытия лексического значения единицы использовали только первую часть слова (*вин-*).

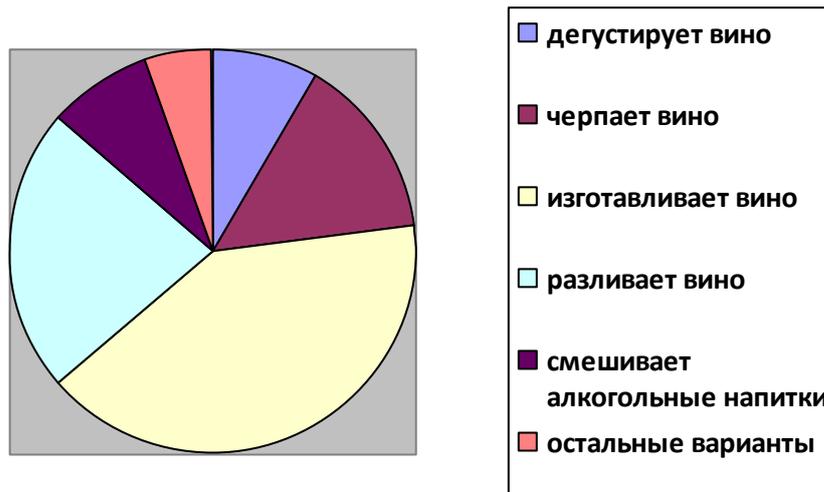
56% учащихся указывают, что *виночерпий* – это человек, изготавливающий вино. Это неверное толкование, поскольку изготовлением винной продукции занимались *винокуры* – «люди, занимающиеся винокурением» [ОШ]. *Винокурение* – «производство, изготовление спирта и водки из хлебных злаков или картофеля» [ТСУ]. «*Винокуренными заводами Россия, по изобилию хлебному паче прочих государств, во многих, а особливо хлебородных своих провинциях, весьма переизбыточествует, и в том не только купечество, но и дворянство российское немалые имеет помыслы, и внутрь отечества нашего получают сим знатные прибитки, не упоминая государственного от того дохода*» [Чулков 1786: 5-6].

Разливать вино (24%) виночерпий также не был обязан, поскольку на него возлагалась более важная миссия – обеспечить царский двор наиболее качественным вином.

Таким образом, участники опроса в возрастной группе 11-12 лет при частичном понимании внутренней формы слова *виночерпий* не смогли представить полное понимание лексического значения лексемы, близкого толкования мы также не наблюдаем.

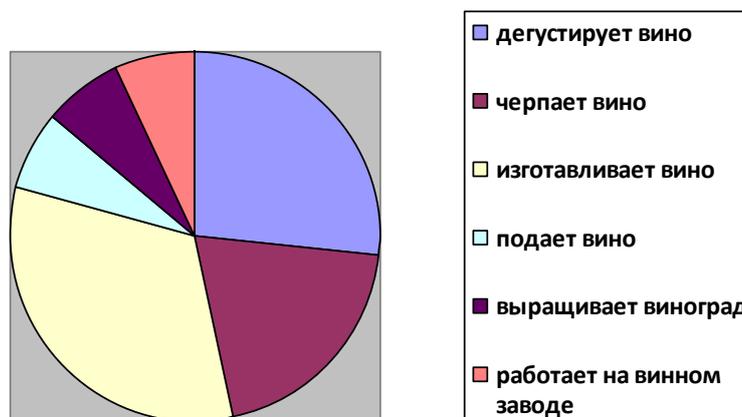
Среди детей в возрасте 13 – 14 лет (7 класс) нами было опрошено 36 человек. Из них 14 человек ответили, что *виночерпий* – это человек, изготавливающий вино (*винодел*) (39%); 8 человек ответили, что это *служащий, который разливает вино* (22%); 5 человек, исходя из словообразовательного состава слова, ответили, что это тот, *кто черпает вино* (14%). По 3 человека дали такие ответы, как *человек, который дегустирует вино* и *человек, смешивающий алкогольные напитки (бармен)* (по 8 %). Один ученик указал на то, что затрудняется ответить. Кроме того, один опрашиваемый показал полное отсутствие представления о внутренней форме данной единицы, указав, что *виночерпий* – это человек, «*работающий с выпечкой из печи*».

Виночерпий (респонденты – 7 класс)

Среди детей в возрасте 15 лет (8 класс) нами было опрошено 15 человек. Из них 5 человек ответили, что *виночерпий* – это человек, *изготавливающий вино (винодел)* (33%); 4 человека ответили, что это человек, *который дегустирует вино* (27%); 3 человека, исходя из словообразовательной структуры слова, ответили, что это тот, *кто черпает вино* (20%); Кроме того, единичными ответами были такие варианты, как человек, *который подаёт вино, выращивает виноград для вина, работает на винном заводе*.

Виночерпий (респонденты – 8 класс)

Таким образом, в ходе проведенного эксперимента мы выяснили, что большая часть респондентов ответили, что это *человек, изготавливающий вино* (из 73 опрошенных – 31).

Поскольку морфемный состав слова *виночерпий* не дает представления о его лексическом значении, респонденты объясняли значение, отталкиваясь от понимания первой части сложного слова *вин-*. Но приблизится таким образом к реальному значению лексической единицы не удалось. Следовательно, при работе с текстом, в котором встречается данный историзм, необходимо обращаться к помощи словарей.

4.2 Анализ лексем *градоначальник, городничий*

Лексическая единица *городничий*, на наш взгляд, также является примером с «живой» внутренней формой, и, благодаря всем известной комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», остается понятным для современных носителей языка.

В повести «Подлиповцы» (1864) Ф.М.Решетников указывает на положение *городничего* в городе: *Подлиповцы узнали также, что их становой и сельский поп еще не большие лица, а в городе есть выше их: исправник, городничий, судья, а над попом благочинный*. Для того чтобы знать, какую именно роль *городничий* исполнял в городе, обратимся к словарю В.И.Даля, в котором сказано, что *городничий* – это «городовой приказчик; полицеймейстер уездного или заштатного города, начальник полиции» [Даль].

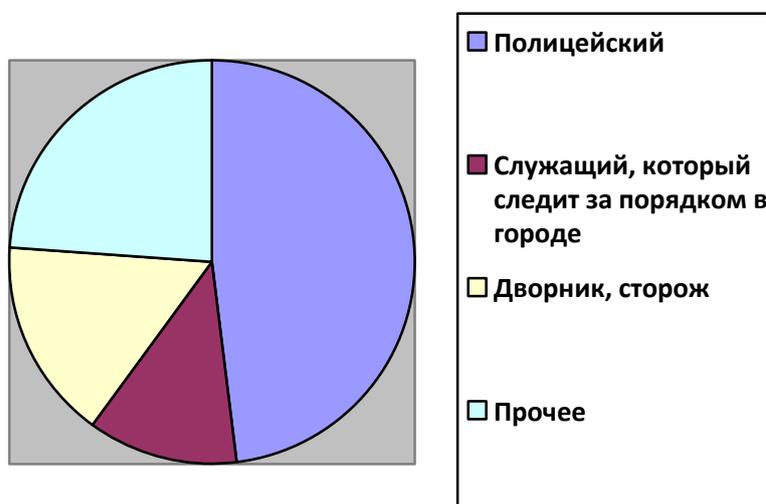
В словаре Д.Н.Ушакова *городничий* – это «начальник города (до половины 19 века)» [ТСУ]. Аналогичное определение находим в словаре С.И.Ожегова: «В России до середины 19 в.: начальник уездного города» [ОШ]. Поскольку мы анализируем номинацию трудовой деятельности в художественной литературе XIX века, то опираться следует на два последних источника, информация в которых отражает положение *городничего* в

период XIX века, однако важным моментом в определении В.И.Даля является то, что *городничий* был к тому же начальником полиции.

Таким образом, из вышеизложенного толкования можно сделать вывод, что *городничий* – это лицо, являющееся главным в городе, возможно, возглавляющее полицию (по Далю).

Среди детей в возрасте 11 – 12 лет (5 класс) нами было опрошено 22 человека. Из них 12 человек ответили, что *городничий* – это *полицейский* (54%); 3 человека ответили, что это *служащий, который следит за порядком в городе* (14%); 4 человека (по 2 человека на каждый): *дворник, сторож* (18%); 2 обучающихся не смогли дать ответ (9%); единичными ответами стали *служащий, который ездит по городу; тот, кто отвечал за включение/выключение фонарей; составитель плана строящегося города; собиратель налогов, пограничник, городской рабочий* (по 4,5% на каждый ответ).

Городничий (респонденты – 5 класс)

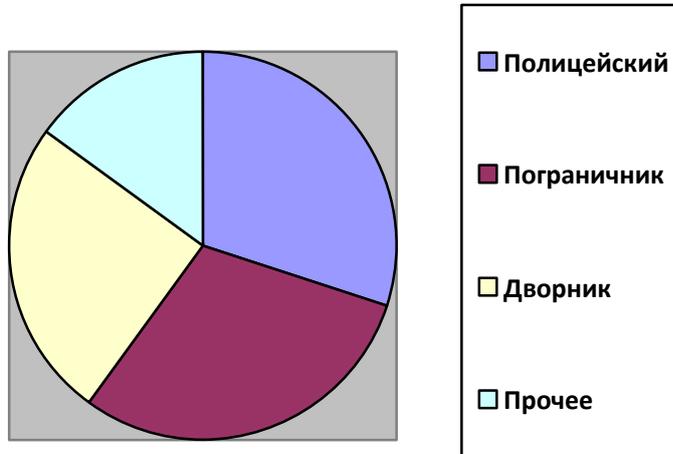

Таким образом, 15 человек (68%) дали ответы, близкие к лексическому значению, представленному в словарях. Самым частотным ответом стал *полицейский*, что представляет собой верное толкование лексического значения слова по словарю В.И.Даля. Поскольку лексема *городничий* образована суффиксальным способом (*город* + *нич (ий)*), корневая морфема, значение которой находится в активном словарном запасе обучающихся,

позволяет определить взаимосвязь анализируемой профессии с городом, но не дает необходимых данных для полного понимания ее лексического значения.

Среди детей в возрасте 13 – 14 лет (7 класс) нами было опрошено 36 человек. Самыми частотными ответами (по 6) стали: *полицейский и пограничник* (по 17% = 34%); 5 человек ответили, что это *дворник* (14%); *охрана; начальник города; работник, следящий за порядком* (по 3 человека (по 8%). Кроме того, 3 опрашиваемых показали полное отсутствие представления о лексическом значении данной единицы, указав, что *городничий – это человек, который бьет в колокол* (2=5,5%) и человек, изучающий звезды (1=2,7%). Человек, который окучивает огороды; сторож; управляющий; строитель – по 1 ответу (2,7%).

Городничий (респонденты – 7 класс)

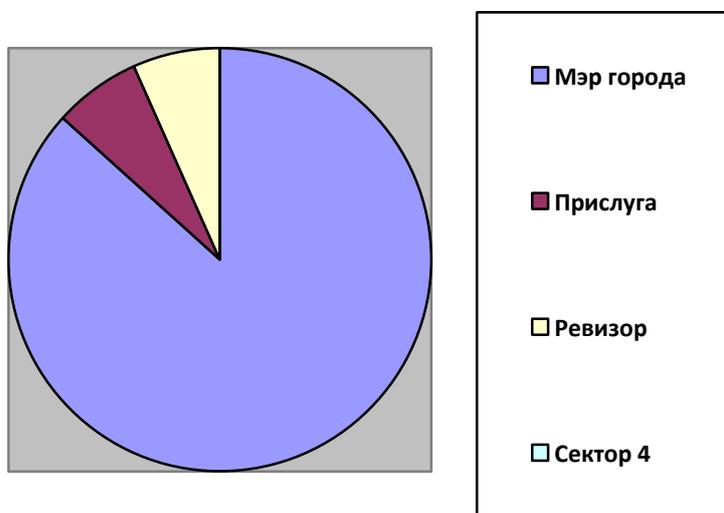

Таким образом, 25% опрошенных в данной возрастной группе верно определили лексическое значение слова *городничий*. Среди детей в возрасте 13 – 14 лет 8,3% полностью ушли от понимания значения лексемы. Предположить, что легло в основу такого толкования значения слова, сложно, следовательно, для данных респондентов внутренняя форма слова *городничий* неясна, они не смогли проследить взаимосвязь производящей основы и производного слова.

Ответ *человек, который окучивает огород* вызывает интерес с точки зрения происхождения корневой морфемы лексемы *городничий* – *город*. «Первоначально слово «город» означало «забор», «ограда», «огороженное место» (здесь наблюдается родство со словом «огород»), потому как древние славяне старались разными способами оградить свои поселения, защитить от врагов, диких животных и т.д. В итоге городами стали называться крупные поселения с домами, огороженные крепостной стеной» [Семенов 2003].

Среди детей в возрасте 15 лет (8 класс) нами было опрошено 15 человек. Из них 13 человек ответили, что *городничий* – это *мэр города* (87%); *прислуга*; *ревизор* – по 1 ответу (6,5%=13%). Данный результат говорит о практически полном понимании значения анализируемой языковой единицы в этой возрастной группе.

***Городничий* (респонденты – 8 класс)**

Таким образом, в ходе проведенного опроса мы выяснили, что практически половина респондентов в своих ответах совершенно или частично верно определили лексическое значение анализируемой единицы (из 73 опрошенных – 34 = 47%).

Большая часть респондентов определили значение корневой морфемы данной лексемы, и таким образом, своими ответами приблизилась к

лексическому значению единицы. Однако были ответы, отражающие полное непонимание значения. Следовательно, полностью утверждать, что данная лексическая единица имеет прозрачную внутреннюю форму, нельзя.

Лексическая единица *градоначальник*, на наш взгляд, также является примером с «живой» внутренней формой. Лексема *градоначальник* образована путем сложения основ *град* (восходящей к общеславянскому **gordь*) и *начальник*.

В словаре С.И. Ожегова находим следующее определение данной лексемы: «В России в 19 – начала 20 в.: должностное лицо с правами губернатора, управляющее градоначальством (городом с прилегающими землями), выделенным из губернского подчинения в особую административную единицу, а также вообще (разг.) глава города».

Однако нигде нет указания, был ли *градоначальник* также начальником полиции, а отсюда, можно ли считать лексемы *городничий* и *градоначальник* синонимами, где второе слово заменило первое.

На наш взгляд, их можно считать синонимами. Для подтверждения нашей гипотезы приведем отрывок из комедии Н.В.Гоголя «Ревизор» (1836):

Хлестаков: Ничего...

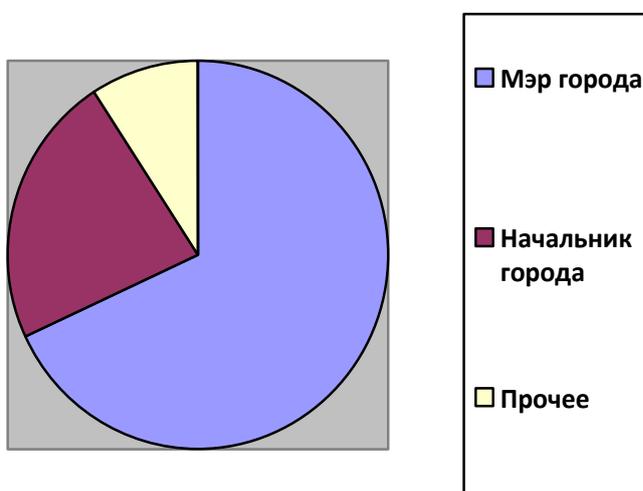
Городничий: Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений.....

Из примера видим, что городничий называет себя градоначальником, то есть Н.В.Гоголь использует эти лексемы как синонимичные. Таким образом, можно предположить, что слова *городничий* и *градоначальник* были синонимичными образованиями. Обе эти лексемы обладали и до сих пор обладают «живой» внутренней формой, которая и обеспечивает во многом понимание значений этих слов нашими современниками. Фактически лексема *городничий*, а также сложное слово *градоначальник* не изменили своего значения и в XXI веке.

Таким образом, из вышеизложенного толкования можно сделать вывод, что *градоначальник* – это лицо, являющееся главным в городе.

Среди детей в возрасте 11 – 12 лет (5 класс) нами было опрошено 22 человека. Из них 15 человек ответили, что *градоначальник* – *мэр города* (68%); 5 человек ответили, что это *начальник города* (из основ сложного слова образовав словосочетание) (23%); 2 человека (по 1 человеку на каждый): *дворецкий, прислуга и директор огорода* (9%).

Градоначальник (респонденты – 5 класс)

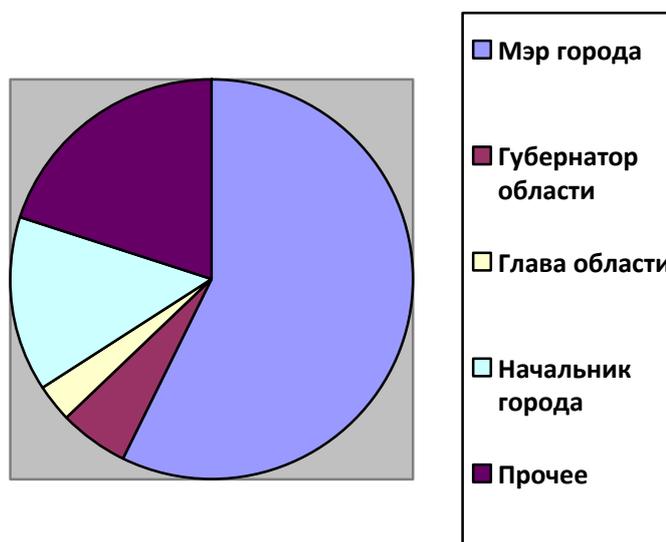

Таким образом, 20 человек (91%) верно определили лексическое значение слова.

Среди детей в возрасте 13 – 14 лет (7 класс) нами было опрошено 36 человек. 20 человек (56%) ответили, что градоначальник – это *мэр города*; также были ответы *глава области* (1 человек – 2,8%), *губернатор* (2 человека – 5,6%), *начальник города* (5 человек – 14%). Данные ответы близки или полностью совпадают с лексическим значением слова градоначальник. Кроме того, были ответы *прокурор, полководец, подполковник, человек, занимающий важную должность в полиции* (4 человека – 11,2%); *царь, князь* (2 человека – 5,6%). Интересным является ответ, который был дан двумя опрошенными, – *человек, отвечающий за погоду в городе*. Можно предположить, что респонденты выделили в сложном слова *градоначальник*

два корня – *град* и *начальник*, где *град* они понимают не как старославянскую форму слова *город* (неполногласие), а как природное явление – атмосферный осадок в виде небольших ледяных шариков.

Градоначальник (респонденты – 7 класс)

Таким образом, 28 человек (78%) верно определили лексическое значение слова *градоначальник*.

Среди детей в возрасте 15 лет (8 класс) нами было опрошено 15 человек. Все они дали похожие ответы, которые отражают практически полное понимание лексического значения слова: *губернатор* (1 человек), *начальник полиции* (2 человека), *мэр* (3 человека), *человек, схожий с городничим* (1 человек), *главный в городе* (1 человек), *начальник города* (3 человека), *управляющий городом* (2 человек), *главный в округе* (1 человек), *заместитель мэра города* (1 человек). Исключением является только *начальник полиции*, поскольку *градоначальник* данную функцию не выполнял. 13 человек (87%) опрашиваемых данной возрастной группы верно интерпретируют лексическое значение анализируемой лексемы.

Градоначальник (респонденты – 8 класс)

Таким образом, в ходе проведенного опроса мы выяснили, что большая часть респондентов в своих ответах совершенно или частично верно определили лексическое значение анализируемой единицы (из 73 опрошенных – 61 = 84%). Данный факт свидетельствует о том, что значение слова *градоначальник* создавалось при его образовании из морфем и полностью определяется семантикой этих морфем, следовательно, слово *градоначальник* обладает «живой» внутренней формой.

4.3 Анализ лексемы *душеприказчик*

Слово *душеприказчик* при ясной морфемной и словообразовательной структуре претерпело семантическое опрощение. Оно обладает «потухающей» внутренней формой, так как лексическое значение производящих основ в нем не помогает в раскрытии значения слова в целом. Лексическое значение данной единицы является сложным для понимания непросвещённому человеку, не знающему ни культуру русского народа прошлых веков, ни тексты русской классической литературы.

В дореволюционной России *душеприказчик* – это лицо, на которое завещатель возлагал исполнение завещания [МАС-2].

Душеприказчик – в древних духовных завещаниях употребительно было выражение: «приказываю душу» такому-то. «Тот, кому приказывалась душа, назывался душеприказчиком. Из наших юристов одни производят этот термин от приказа души умершего попечением другого лица (Неволин, Калачев), другие — от приказа всего оставляемого в этом мире душе исполнителя (Лешков)» [ЭСБЭ].

Слово это было весьма частотным, поскольку участвовало в оформлении имущественных отношений людей. Особенно широко оно употреблялось в юридической сфере дореволюционного периода, но поскольку это слово обозначало чрезвычайно значимое для социума понятие, оно использовалось и писателями того времени, например,

А. И. Герцен в романе «Былое и думы» (1864) писал о душеприказчиках в обличительной манере: *Прежние ткачи судьбы, все эти Вулканы и Нептуны, приказали долго жить. Душеприказчики скрывают от нас их завещание, а покойники нам завещали свою власть. — Но если, с одной стороны, вы отдаете судьбу человека на его произвол, а с другой — снимаете с него ответственность, то с вашим учением он сложит руки и просто ничего не будет делать.*

У Льва Толстого душеприказчик – это важная фигура, увязанная с интригой имени наследователя семейного богатства: *Бабушки уже нет, но ещё в нашем доме живут воспоминания и различные толки о ней. Толки эти преимущественно относятся до завещания, которое она сделала перед кончиной и которого никто не знает, исключая её душеприказчика, князя Ивана Ивановича. Между бабушкиными людьми я замечаю некоторое волнение, часто слышу толки о том, кто кому достанется, и, признаюсь, невольно и с радостью думаю о том, что мы получаем наследство. После шести недель Николай, всегдашняя газета новостей нашего дома, рассказывает мне, что бабушка оставила всё имение Любочке, поручив до её замужества опеку не папа, а князю Ивану Ивановичу. Глава XXIV. (Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)*

В анализируемой словарной единице выделяем две корневых морфемы – *душа* и *приказ-чик*, которые и составили мотивационную базу сложного производного слова.

Подробнее рассмотрим слово *душа*.

В словаре В.И. Даля находим следующие толкования лексемы:

Душа – 1. По религиозным представлениям – бесплотное существо, являющееся носителем жизни и духовного мира человека и способное существовать отдельно от тела. *Пусть три ночи молится по грешной душе моей.* <...> *Страшна освещенная церковь ночью, с мертвым телом и без души людей.* (Н. В. Гоголь. Вий (1835-1841))

– 2. Дыхание.

– 3. Живое существо.

– 4. Человек. *В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, — словом, все те, которых называют господами средней руки.* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842))

– 5. Ямочка на шее, над грудной костью, и нижняя часть шеи над этой ямочкой.

– 6. Ласковое обращение к любимому человеку. *Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, будто с каким-нибудь Добчинским.* (Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)).

Нас интересуют 1-е, 4-е и связанное с ним 6-е значения, послужившие, на наш взгляд, производящей базой для образования производного слова *душеприказчик*, следовательно, сформировавшие его внутреннюю форму (в понимании А.А. Потебни). Второе из отмеченных В.И. Далем значение («дыхание») также в известной степени можно считать участвующим в мотивации производного слова *душеприказчик*: оно является косвенным мотиватором (поскольку умерший человек уже не дышит, это результат

перемещения души человека: его душа отлетела от тела, по представлениям современников В.И. Даля).

Основное значение слова *душа*, указывающее на религиозное представление, отражено во фразеологизме *отдать Богу душу* – «умереть» [ФС Молоткова]. *Долго он стонал. // Но всё слабей и понемногу // Затих и душу отдал богу* (Лермонтов. Валерик). Почему слово смерть не называется прямо, а заменяется фразеологизмом? Можно предположить, что помимо религиозных мотивов важной является и мысль о том, что слова «смерть», «гибель» люди вообще стараются употреблять как можно реже, испытывая суеверно-почтительный трепет перед этими понятиями. Все, что незнакомо, вызывает естественный страх. О смерти никто ничего не знает доподлинно, никаких достоверных сведений о мире загробном живущим неизвестно. Поэтому существует определенное табу: слово «смерть» часто стараются заменить иносказательными выражениями, как бы смягчая смысл происшедшего (аналогично и в современном русском языке, например, *он покинул нас, он ушел от нас, мы потеряли его* и т.п.) Когда-то считалось, что душа умершего уходит куда-то в высшие сферы, чтобы продолжить свою жизнь, но уже в иной ипостаси, где-то в раю или в аду.

Интерес представляет также фразеологизм *приказать долго жить*, в основу которого легла лексема, являющаяся второй частью анализируемого нами сложного слова *душеприказчик* – *приказчик* от *приказывать*:

Приказал (приказала) долго жить – «умер» [ФС Молоткова]. *Да что об сапогах! сапог не нужно барину. Приказал долго жить барин. — Что ты! — От вас до дома не доехал, в возке и помер.* (Л. Н. Толстой. Чем люди живы).

Приказывал долго жить самым близким и родным людям тот, кто чувствовал приближение собственного конца. Это было выражение любви, пожелание добра и блага детям и другим родственникам. Человек знал, что больше ничего не способен сделать для них, и давал им такое благословение – единственное, на что у него еще оставались силы.

Душа как нечто возвышенное встречается также во фразеологизмах:

- *От всей души* – «сердечно, горячо, с полной откровенностью». [ФС Молоткова]. *Один козак, бывший постарее всех других, с седыми усами, подставивши руку под щеку, начал рыдать от души, о том, что у него нет ни отца, ни матери и что он остался одним один на свете.* (Н. В. Гоголь. Вий (1835-1841).

- *Сколько душе угодно* – «вдоволь, без каких-либо ограничений, сколько хочешь» [ФС Молоткова]. *У судьи губы находились под самым носом, и оттого нос его мог нюхать верхнюю губу, сколько душе угодно было.* (Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (1835-1841).

Душа в значении *человек* является мотивационным ядром внутренней формы, а также основы анализируемого слова.

В современном языке данное значение мы встречаем только в обращении к любимому человеку; у В. И. Даля это лексическое значение вынесено отдельно. Кроме того фразеологизмы сохранили такое понимание слова *душа*:

Ни <одной> души – «Никого, ни одного человека» [ФС Молоткова]. *Наружного блеска они не любят; на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкатулках благодать божия. У тоненького в три года не остается ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь — и явился где-нибудь в конце города дом, купленный на имя жены, потом в другом конце другой дом, потом близ города деревенька, потом и село со всеми угодьями.* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842).

Поскольку слово *душа* номинировало важнейший концепт христианской культуры, было важнейшим понятием славянской картины мира, оно, во всех своих значениях, стало основой множества устойчивых выражений. Так, во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова указано множество фразеологизмов со словом *душа*, что само по себе уже доказывает этот факт, поскольку во фразеологии

и паремиях языка максимально ярко выражается картина мира народа. Примеры: *в чем (только) душа держится, душа болит, душа в душу, душа (дух) вон, душа горит, душа нараспашку, душа (сердце) не лежит, душа (сердце) не на месте, душа не принимает, душа (сердце) перевернулась, душа (сердце) разрывается (рвется), душа уходит в пятки, еле-еле душа в теле, заячья душа, чернильная (бумажная) душа, по душам, ад крошечный на душе, в душе, как душе угодно, камень на душе, кошки скребут на душе, не по душе, отлегло на душе, сколько душе угодно, скребет на душе, читать в душе, что душе угодно, без души, в глубине души, всеми фибрами души, вырывать из души, для души, до глубины души, камень с души свалился, на пропой души, не слышать души, не чаять души, ни (одной) души, от всей души, от полноты души, с души воротит, болеть душой, всей душой, душой и телом, за душой, кривить душой, ни душой ни телом, отдыхать душой, с душой, с открытой душой, стоять над душой, без мыла в душу влезть, берeditь душу, брать грех на душу, брать за душу, бог на душу положит, вдохнуть душу, вкладывать душу, влезать (войти) в душу, выворачивать душу, вытрясти душу, вытянуть всю душу, вышибать душу, заглядывать в душу, загубить (свою) душу, закрадываться в душу, закрывать душу на замок, за милую душу, изливать душу, класть душу (на что-то), надирать душу, отводить душу, отдавать богу душу, открывать душу, отпустить душу на покаяние, перевернуть (всю) душу, плевать в душу, по душе, раскрывать душу, распахивать душу, тянуть душу, тянуть за душу, взять (хватить) греха на душу. [ФС Молоткова].*

В качестве мотивирующей базы взято не одно значение многозначного слова *душа*, а большинство значений этого слова, хотя каждое из них участвует в образовании мотивировочного признака для внутренней формы слова в разной степени. Данный процесс мы назовем *веерной мотивацией*.

Однако остается проблемным вопрос, мотиватор *душа* в лексеме *душеприказчик* — это кто? — это поручающий свои дела кому-то или исполнитель поручения умершего?

Для поиска ответа обратимся ко второй части сложного слова – *приказчик*.

Известно, что *приказчик* сам по себе как род деятельности существовал в царской России:

— *Надобно знать, что тому три недели послала я приказчика на почту с деньгами для моего Ванюши.* (А. С. Пушкин. Дубровский (1833).

Позови приказчика, он должен быть сегодня здесь. Приказчик явился. Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и, по-видимому, проводивший очень покойную жизнь, потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и перины. (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842).

А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился да кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай. (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842).

В словаре В.И.Даля находим: **Приказывать** – «повелѣть, велѣть, наказать, распорядиться властью своею, правомъ старшаго, начальника». **«Прикащикъ** – приказывающій, кто отдаетъ приказанья, большакъ, старшій между младшими; повѣренный по дѣламъ, уполномоченный отъ хозяина» [Даль].

Мотивирующим значением для образования лексического значения части сложного слова *душеприказчик* является *поверенный по делам, уполномоченный от хозяина*. Отсюда можно сделать вывод, что *душа* (в составе слова) – всё-таки исполняющий волю умершего человек.

Таким образом, мы пришли к пониманию лексического значения корневых морфем, послуживших производящей основой лексической единицы *душеприказчик*. Однако производные слова всегда «более информативны по той простой причине, что они позволяют увидеть (в отличие от простой и непроемкой лексики), как была воспринята

определенная реалья в мире «как он есть» – через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям (объектам, действиям, качествам и т.д.) они были осмыслены и затем поименованы» [Кубрякова 2006: 6].

В этом проявляется идиоматичность семантики морфем, когда значение слова не составляется из семантики входящих в состав слова частей. При спайке корневых морфем с разным лексическим значением образуется третье (новое) значение. Данную мысль высказывал Л.В.Щерба, указывая на то, что «...сложения смыслов дают не сумму смыслов, а новые смыслы...» [Щерба 1974: 24-39].

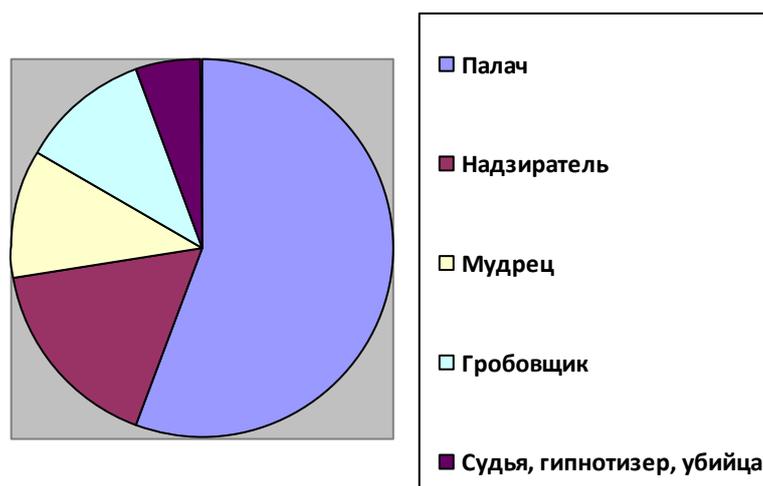
Важную роль при этом играют лексико-семантические особенности мотивирующих слов: в основе лежит не одно, а несколько лексических значений производящего слова *душа* (веерная мотивация), также затронут фразеологический пласт, возникший на основе народной мудрости, существующий сегодня. Вероятно, именно он служит основой для понимания анализируемой нами лексической единицы юными носителями языка.

Поскольку лексема *душеприказчик* часто встречается в изучаемых в русле школьной программы текстах, нами был проведен опрос обучающихся, направленный на выявление уровня знания значения данной единицы.

В опросе приняли участие обучающиеся пятых, седьмых и восьмых классов.

Самые юные респонденты (пятиклассники) таким образом ответили на данный вопрос: из 22 двух обучающихся 10 человек (45%) считают, что *душеприказчик* – это *палач*; 2 человека (9%) – *мудрец*; 3 человека (14%) – *надзиратель*; 2 человека (9%) – *гробовщик*; и по одному ответу: *судья*, *гипнотизер*, *убийца*, тот, кто *приказывает душе*. Также один опрошиваемый воздержался от ответа.

Душеприказчик (респонденты – 5 класс)

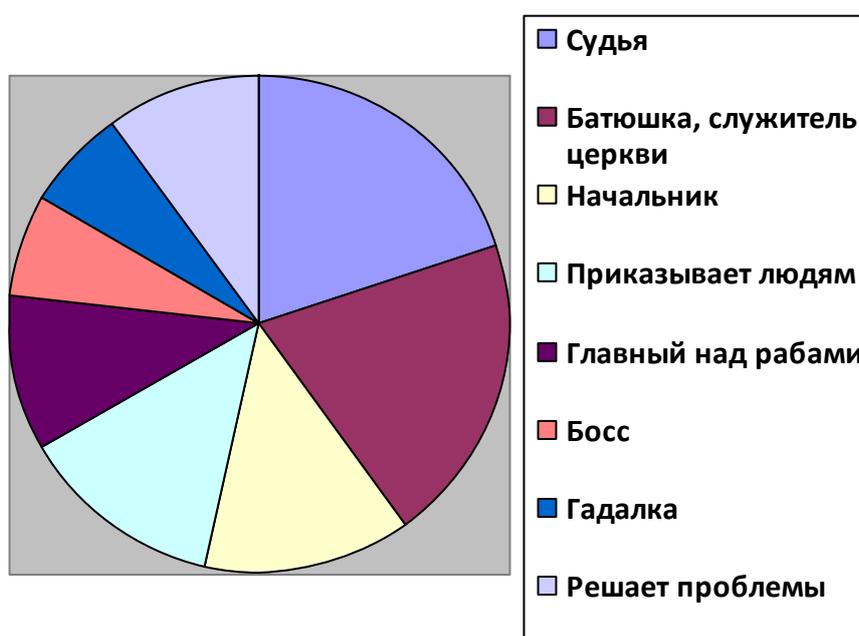
Можно предположить, что обучающиеся правильно определили значение второй части сложного слова – *приказывать*, то есть *распоряжаться*, значение первой части – *душа* – использовано в значении *жизнь*, следовательно, в основу лексического значения слова *душеприказчик* положена мысль об *управлении чьей-то душой, то есть жизнью*. В данной возрастной группе мы видим полное отсутствие понимания лексического значения слова при частично верной интерпретации значения морфем. Эта особенность связана с тем, что в производных словах не всегда сохраняется значение исходного корня или семантика производящей основы, то есть значение слова *душа* в ее современном понимании. Эту мысль высказывал А.А. Потебня: «В последующем слове заключено не предшествующее слово, а генетическое отношение к нему» [Потебня 1958: 28].

Учащиеся 7 класса также не дали верного толкования лексического значения слова *душеприказчик*: *судья* (6 человек), *батюшка* (4 человека – 11%), *начальник* (4 человека – 11%), *приказывает людям* (4 человека – 11%), *психолог* (4 человека – 11%), *главный над рабами, крепостными крестьянами* (3 человека – 8%), *босс, директор* (2 человека – 5,5%), *гадалка* (2 человека – 5,5%), *решает проблемы* (3 человека – 8%), *служитель церкви* (2 человека – 5,5%), *решает, убивать или нет* (1 человек – 2,8%), *монарх* (1 человек – 2,8%). Один опрашиваемый затрудняется ответить (2,8 %).

Ответы *начальник, босс, директор, тот, кто решает проблемы, решает, убивать или нет, монарх* опираются на часть производящей основы – *приказ*.

Ответы *батюшка, служитель церкви, гадалка, психолог* опираются на часть производящей основы – *душа*, интерпретируя ее в значении, которое представлено в словаре В.И.Даля под номером один.

Душеприказчик (респонденты – 7 класс)

Однако правильное понимание производящей базы не помогает в раскрытии лексического значения слова (ответ *приказывает людям* – точное указание на лексическое значение входящих в состав сложного слова морфем). Это происходит потому, что у данной лексемы сформировалось значение, не связанное с бывшей «внутренней формой», а именно значение слова **лексикализовалось**, то есть словообразовательное значение превратилось в лексическое. Известно, что внутренняя форма базируется на словообразовательном значении, однако со временем мы не осмысляем морфем в составе производного слова как отдельные семантические единицы. Это подтверждается экспериментом, поскольку никто не связывает значение слова *душеприказчик* с лексическим значением первого корня: *душа*

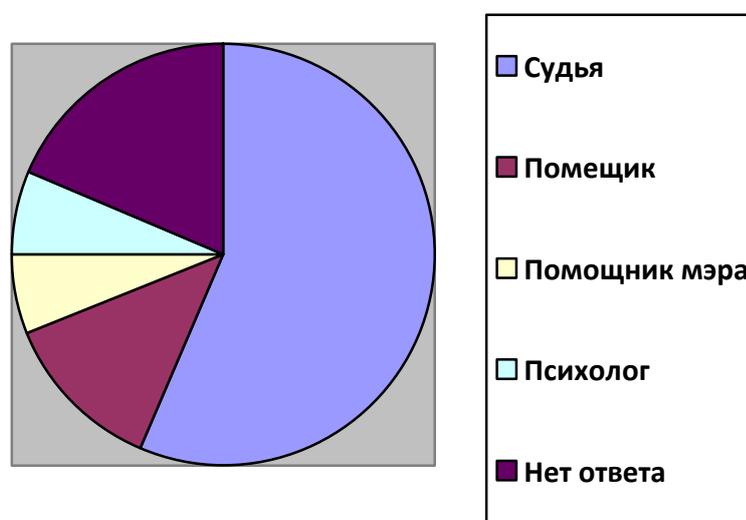
как человек. Старое значение второй части – приказчик (*поверенный по делам уполномоченный от хозяина*) – тоже не проявляется.

Синонимичным ответу *приказывает людям* можно считать ответ *главный над рабами, крепостными крестьянами*.

Респонденты 8 класса не раскрыли лексическое значение слова *душеприказчик*, однако профессиональная область душеприказчика большей частью была определена верно. *Судья* (9 человек – 60%), как и юрист (*душеприказчик*), – чиновники, работающие в юридической области.

Также были даны такие ответы, как *помещик* (2 человека – 13%), *помощник мэра* (1 человек – 7%), *психолог* (1 человек – 7%). И три респондента не дали ответа (20%).

Душеприказчик (респонденты – 8 класс)

Таким образом, лексема *душеприказчик*, обладая ясной мотивирующей основой, остается сложной для восприятия современными читателями, поскольку, во-первых, ее внутренняя форма не содержит прямого объяснения смысла лексемы и, во-вторых, ушли в прошлое историко-культурные основания для сохранения денотативной составляющей лексической семантики слова.

Выводы по главе

Лингвистический эксперимент, необходимый для установления роли внутренней формы в семантизации современными читателями семантики устаревшего слова, является важной частью анализа историзмов и архаизмов, обозначающих номинацию трудовой деятельности человека. «Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, <...> следует пробовать» [Щерба 1974: 24-39], определять, насколько наше предположение окажется верным. Во второй главе мы условно расклассифицировали слова *виночертий*, *городничий*, *градоначальник*, *душеприказчик* на слова с «живой», «потухающей» и «неживой» внутренней формой. В данной главе мы проанализировали проведенный опрос обучающихся образовательных учреждений и выяснили, что значение лексем, морфемный состав которых соответствует современному членению, не всегда понятно современному читателю. Это происходит в связи с тем, что «...сложения смыслов дают не сумму смыслов, а новые смыслы...» [Щерба 1974: 24-39], то есть при сложении морфем с разным лексическим значением, образуется сложное слово с новым лексическим значением (например, *виночертий*, *душеприказчик*). Однако существуют лексические единицы, обозначающие номинацию процессов трудовой деятельности, в которых внутренняя форма помогает современным читателям понять значение устаревшего слова (*городничий*, *градоначальник*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема изменения лексического фонда русского языка на сегодняшний день является очень актуальной. Этот вопрос рассматривается в разных сферах и с различных точек зрения, многие ученые посвящают этой проблеме свои исследования, среди них такие, как А.А. Потебня, Р.А. Будагов, О.С. Ахманова, А.В. Калинин. В своей работе в большей степени мы опирались на труды ученых В.В. Виноградова, Г.Н. Складневской, Г.М. Шипицыной.

Филологу как специалисту, как будущему педагогу необходимо знать все разнообразие устаревающей лексики и пытаться устранять языковой барьер, возникающий между словарным запасом школьников и художественным лексиконом классических произведений, которые они изучают. Именно этой проблеме и посвящена наша научная работа.

Проведя исследование различных художественных произведений XIX века, мы выбрали необходимые нам лексические единицы, а именно те, которые обозначают номинацию процессов трудовой деятельности, а также частично и исполнителей этой трудовой деятельности. Затем мы проанализировали лексические единицы, являющиеся историзмами по причине исчезновения ремесел, которые они обозначали. Анализ был проведен с различных точек зрения.

Во-первых, с точки зрения сохранения в анализируемых единицах внутренней формы. Мы выявили влияние внутренней формы на процессы опрощения структуры и значения устаревших слов.

Нами были расклассифицированы исконно русские слова, обозначающие трудовую деятельность, на такие, которые имеют ясную внутреннюю форму: *виночертий, городничий, градоначальник, дворецкий, столоначальник, стольник, чашиник*. Их особенностью является то, что их

ясная внутренняя форма обеспечивает понимание структуры слова и его морфемного строения.

В качестве лексических единиц с «потухающей» внутренней формой нами были проанализированы такие, как *сотник*, *душеприказчик*, *стремянной*. Их лексическое значение является сложным для понимания непросвещенному человеку.

Примером слова с «неживой» внутренней формой является лексема *корчмарь*. Путем реконструкции производящей основы, мы восстановили его внутреннюю форму.

Во-вторых, с точки зрения их взаимосвязей с другими элементами системы: семантических (по значению) и структурных (по строению), то есть реализовали системный подход к анализу лексико-фразеологических средств: *корчма*, *постоялый двор*, *подворье*, *кабак*, *почтовая станция*. Сопоставив общие и дифференциальные семы анализируемых лексем, мы установили особенности вышеперечисленных заведений, их свойства, сходства и различия.

В-третьих, с точки зрения номинации трудовой деятельности как выражения русской культуры, представленной в художественной классике XVIII – XIX веков. В данном случае нами был реализован культурологический подход на примере анализа исполнителей трудовой деятельности. В качестве представителей русской культуры, отраженной в художественной классике XVIII–XIX веков, выступили *станционный смотритель*, *корчмарь*, *хозяин постоялого двора*. Анализ вышеперечисленных лексем раскрыл культурологическую составляющую нашей работы.

Нами был проведен эксперимент, необходимый для установления роли внутренней формы в семантизации (понимании) современным молодым человеком семантики устаревшего слова

В ходе эксперимента мы выяснили, значение лексем, морфемный состав которых соответствует современному членению и сохраняет

лексическое значение, существовавшее ранее, непонятно современному читателю. Это происходит в связи с тем, что «...сложения смыслов дают не сумму смыслов, а новые смыслы...» [Щерба 1974: 24-39], то есть при сложении морфем с разным лексическим значением, образуется сложное слово с новым лексическим значением (например, *виночерпий*, *душеприказчик*). Однако существуют лексические единицы, обозначающие номинацию процессов трудовой деятельности, в которых внутренняя форма помогает современным читателям понять значение устаревшего слова (*городничий*, *градоначальник*).

В дальнейшем, материалы исследования могут найти применение в педагогической практике. Установление значения данных номинаций, а также их классификация поможет разрушить барьер взаимопонимания между поколениями людей досоветского периода и людьми XXI века.

Список использованных словарей и справочников

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка / Т. 1-17. – М.-Л.: Академия Наук СССР. Институт русского языка: Издательство Академии Наук СССР, 1948-1965.
2. БАС-2 – Словарь современного русского литературного язык / В 20 т.; Академия Наук СССР. Институт русского языка. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1991
3. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008 – 384 с.
4. БСЭ – Большая советская энциклопедия / В 30 томах. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1969-1978.
5. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова; Рос. акад. наук, ин-т лингвистич. исслед. – С.-Пб.: Норинт, 1998.
6. Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ (1903-1911); т. 1-4. – М.: А/О Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
7. КЭСРЯ – Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1971.
8. МАС – Словарь русского языка в 4-х томах: словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957-1961.
9. МАС-2 – Словарь русского языка: словарь / Под ред. А.П. Евгеньевой; в 4-х т.; АН СССР, Институт русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.
10. ОШ – Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1991. – 917с.
11. ОШС – Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 60 000 слов и фразеологических выражений: словарь / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф.

- Л.И.Скворцова. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. – 976 с.
12. Платонов, О.А. Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское хозяйство / О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2006. – 1136 с.
13. РТС – Лопатин, В.В. Русский толковый словарь: словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 928 с.
14. РЯ – Русский язык. Энциклопедия: словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Изд. дом «Дрофа», 1998. – 704 с.
15. СЛТ – Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 624 с.
16. СРЯ – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984-1991.
17. СРЯXI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. / Вып. 1-28. – М.: Наука, 1975-2008.
18. СФ – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп.: акад. О.Н. Трубачев. – Мультимедиа-издательство "Адепт", 2004.
19. ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова; т. 1-4. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935-1940.
20. ТСЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 702 с.
21. ФС – Фразеологический словарь / Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. — 543 с.
22. ЦС – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук / В 4-х томах. – СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1847.

- 23.ЭСБЭ – Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А.Брокгаузъ, И.А.Эфронъ; 86 томов. – С.-Петербургъ, Типо-Литографія И.А.Эфрона, Прачешный пер., №6., 1890-1907гг.
24. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. / А.В.Семенов. – М.: Изд-во <ЮНВЕС>, 2003 г.
25. ЯЗ – Языкознание. Большой энциклопедический словарь: словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Список научной лингвистической литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005 – 416 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Спорные вопросы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: Учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений / Н.Ф. Алефиренко.– М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
4. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. –2-изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
5. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995 – №1. – С. 37–67.
6. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988 – 341 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999– 896 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

9. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
10. Бабенко, Л.Г. Лексикология русского языка. Учебно-методический комплекс / Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Уральский государственный университет имени А. М. Горького, 2008. – 126 с.
11. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004 – 464 с.
12. Брагина, А.А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте / А.А. Брагина. – М.: Русский язык, 1981. — 177 с.
13. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке / Р.А. Будагов. – М.: Добросвет-2000, 2003. — 544 с.
14. Будагов, Р.А. История слов в истории общества / Р.А. Будагов. – 2-е изд., доп. – М.: Добросвет-2000, 2004. – 256 с.
15. Будагов, Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? / Р.А. Будагов. – 2-е изд., доп. – М.: Добросвет-2000, 2004. – 304 с.
16. Вариченко, Г. В. Новая жизнь старых слов / Г.В. Вариченко // Русский язык в школе. – 1990. – № 3. – С.72 – 77.
17. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
18. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания, 1995. – № 1. – С. 5 – 33.
19. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: учебное пособие / В.В. Воробьев. – М.: Издательство РУДН, 1997. – С. 36 – 37.
20. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

21. Головин, Б.Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1977. – 312 с.
22. Журавлев, В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции / В.К. Журавлев. – 2-е изд., доп. – М.: URSS, 2004. – 335 с.
23. Ильинская, И.С. О богатстве русского языка / И.С.Ильинская. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. — 72 с.
24. Калинин, А.В. Лексика русского языка: учеб. пособие / А.В. Калинин. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 320 с.
25. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Институт языкознания РАН, 1992. – 330 с. .
26. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
27. Кожин, А.Н. Возрождение устаревшей лексики / А.Н. Кожин // Русский язык в школе. – 1957. – № 3. – С.26 – 32.
28. 54. Ковалева, Е.В. Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX века: Дисс. канд. филол. наук / Е.В.Ковалева. – М., 1996. – 232 с.
29. Колесник, Г.С. К проблеме лексических историзмов в современном немецком языке / Г.С.Колесник // Вопросы германской филологии. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1977. – С. 54–58.
30. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 307 с.
31. Кошарная, С.А. Актуальные проблемы современного речевого этикета (к вопросу об адресатных средствах) / С.А.Кошарная // Функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации. – Белгород: НИУ БелГУ, 2012. – С. 13-17.
32. Кронгауз, М.В. Русский язык на грани нервного срыва / М.В. Кронгауз. – М.: Астрель, 2007. – 217 с.

33. Крысин, Л.П. Жизнь слова / Л.П. Крысин. – М.: Просвещение, 1980. – 176 с.
34. Кубрякова, Е.С. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 81 – 155.
35. Кубрякова, Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие / Е.С.Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2006. – Т.65, №2. – С. 3 – 13.
36. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка: учеб. пособие / Э.В. Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1989. — 216 с.
37. Марков, В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке / В.М. Марков. – Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 1981. – 29 с.
38. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
39. Михайловская, Н.Г. Устаревшие слова / Н.Г. Михайловская // Русская речь. – 1972. – № 6. – С. 50-55
40. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
41. Панов, М.В. О развитии русского языка в советском обществе / М.В.Панов // Вопросы языкознания, 1962. – №3. – С. 10 – 22.
42. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности / Л.И. Плотникова. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2003 – 332 с.
43. Потенция, А.А. Из записок по русской грамматике. Том 1–2 / А.А. Потенция. – М.: Госуд. учебно-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.

44. Рахманова, Л.И. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. Учебник для студентов вузов / Л.И. Рахманова, В.Н. Суздальцева. – М.: АспектПресс, 2010. – 464 с.
45. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Под ред. Б.А. Серебрянникова. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
46. Сергеев, В.Н. Новые значения старых слов / В.Н.Сергеев. – 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
47. Складаревская, Г.Н. Прагматика и лексикография / Г.Н. Складаревская. – М.: Наука, 1995. – С. 63 – 71.
48. Современный русский язык: учебник для бакалавров / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков; под ред. П. А. Леканта. – 5-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 559 с.
49. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
50. Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века / Ю.С.Сорокин. – Л.: Наука, 1965. – 565 с.
51. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1975. – 313 с.
52. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
53. Токарев Г.В. Современный русский литературный язык. Лексикология. Учеб. Пособие. – Тула: изд – во Тульского гос. Пед. ун – та им. Л.Н. Толстого, 2008. – 150 с.
54. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания / Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 416 с.
55. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология / М.И. Фомина – М.: Высшая школа, 2001. – 415 с.

56. Хроленко, А.Т. Основы современной филологии / А.Т. Хроленко. – М.: Флинта, 2013. – 344 с.
57. Чудинов, А.П. Новые русские метафоры / А.П. Чудинов // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. научн. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 2005. – С. 259-265
58. Чулков, М. Д. Историческое описание российской коммерции / М.Д.Чулков. – СПб.: Университетская типография, 1786. – С. 5-6.
59. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н.М. Шанский. – М.: Учпедгиз, 1959. – 245 с.
60. Шипицына, Г.М. Лексикография, лексикология и фразеология русского языка: инновационные процессы, системность: учеб.-метод. пособие / Г.М. Шипицына, М.Б. Геращенко. – Белгород: Издательско-полиграфический комплекс НИУ "БелГУ", 2012. – 110 с.
61. Шипицына, Г.М. О семантическом развитии лексики / Г.М. Шипицына // Русская словесность, 2010. – № 5. – С. 10.
62. Шипицына, Г.М. Развитие многозначности как способ пополнения словарного состава современного русского языка / Г.М.Шипицына // Русский язык в школе, 2011. – № 6. – С.81-85
63. Шипицына, Г.М. Семантико-лексикографические наблюдения в связи с неофраземой фермерское подворье в современном русском языке / Г.М. Шипицына, М.Б. Геращенко // Вестник Пятигорского госуниверситета, 2010. – №2. – С.50-56.
64. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н.Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
65. Щерба, Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В.Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – С. 24 – 39.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Урок русского языка в 6 классе на тему «Устаревшие слова»

Тип урока. Урок открытия новых знаний.

Цели:

Личностные: развивать интерес к изучению языка как отражения истории, быта, культуры русского народа; воспитывать внимание к культуре речи, точности слов и выражений.

Метапредметные: пользоваться разными видами чтения (ознакомительным, изучающим), извлекать информацию из толковых словарей, перерабатывать и преобразовывать информацию (вопросы, таблица).

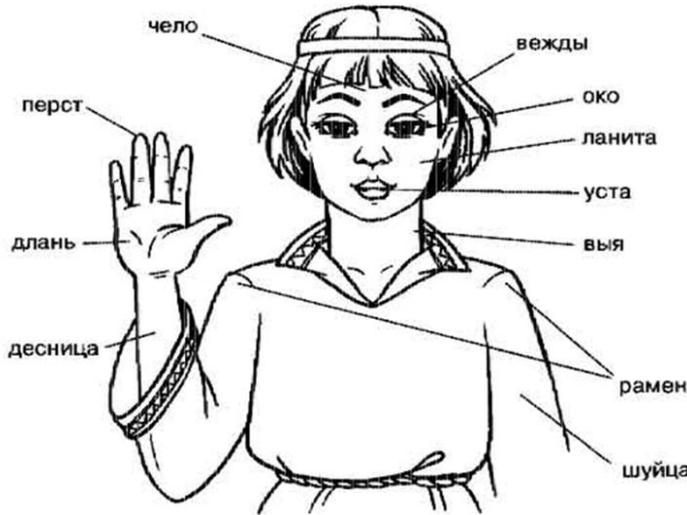
Предметные: дать понятие об устаревших словах (архаизмах и историзмах), опознавать устаревшие слова, обозначающие названия профессий, объяснять их значение, различать историзмы и архаизмы, уместно употреблять их в речи.

Этапы урока	Ход урока	Формирование УУД и технология оценивания, духовно-нравственное воспитание
I. Оргмомент.	Приветствие. Проверка готовности к уроку. Выявление отсутствующих.	
II. Фронтальный опрос.	Блиц-вопросы. Работа с классом. 1.- слова одной и той же части речи с противоположным значением. 2.-слова одной и той же части речи, одинаковые по звучанию	Коммуникативные УУД 1. Владеть монологической речью; адекватно

	<p>(написанию), но совершенно разные по лексическому значению</p> <p>3.- слова, употребляемые только жителями той или иной местности.</p> <p>4.-слова, связанные с особенностями работы людей той или иной специальности, профессии.</p>	<p>использовать речевые средства для решения коммуникативных задач.</p> <p>2. Слушать и слышать других, осуществлять речевую рефлексию.</p>
<p>III. Введение в тему урока.</p>	<p>Создание проблемной ситуации. Стадия вызова: мотивационная (побуждение к работе с новой информацией, пробуждение интереса к теме).</p> <p>Работу можно проводить с использованием предметов старины (школьный музей).</p> <p>-как вы уже догадались, мы продолжаем свое путешествие по миру лексики. Я заглянула в наш школьный музей. И там я обнаружила много интересных вещей, с которыми хочу вас познакомить (серп, прялка, ухват, лапти).</p> <p>Вопросы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Какие предметы вам знакомы? 2. Какие видите впервые? 3. Как вы думаете, о чем мы будем говорить сегодня на уроке? (об устаревших словах). 	<p>Регулятивные УУД</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Высказывать предположения на основе наблюдений. 2. Формулировать вопрос (проблему) урока. <p>Познавательные УУД</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Извлекать информацию из словарных статей толковых словарей. 2. Владеть разными видами чтения (ознакомительным, изучающим).

	<p>4. Как вы понимаете слово «устаревшие»? (старые, древние).</p> <p>5. Значение какого слова вам незнакомо? (обратиться к словарю)</p> <p>Определение темы урока. Запись числа и темы урока в тетрадь.</p> <p>– Задайте вопросы по теме урока. (Что такое устаревшие слова? Почему слова устаревают? Где встречаются устаревшие слова? и др.)</p>							
<p>IV.</p> <p>Открытие новых знаний.</p>	<p>Изучение нового материала. Стадия осмысления содержания: систематизация.</p> <p>Знакомство с теоретическими сведениями.</p> <p>Работа с учебником.</p> <p>Чтение статьи, затем работа, дать определение историзмам и архаизмам.</p> <p>Беседа после чтения.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Что объединяет историзмы и архаизмы? (исчезли из активной лексики) 2. Чем отличаются друг от друга? (архаизмы имеют синонимы) <p>Рисуем схему на доске.</p> <table border="1" data-bbox="475 1697 1217 1809"> <tr> <th colspan="2" style="text-align: center;">Устаревшие слова</th> </tr> <tr> <td>Историзмы (не существуют предметы, явления)</td> <td>Архаизмы (не существуют слова, но есть синонимы)</td> </tr> <tr> <td>Боярин, гусар, оброк</td> <td>Уста (губы), чело (лоб)</td> </tr> </table> <p>Работа с названиями профессий в группах (4 группы): <i>виночертий, градоначальник, городничий, душеприказчик</i></p>	Устаревшие слова		Историзмы (не существуют предметы, явления)	Архаизмы (не существуют слова, но есть синонимы)	Боярин, гусар, оброк	Уста (губы), чело (лоб)	<p>Регулятивные УУД</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Искать пути решения проблемы. 2. Осуществлять познавательную и личностную рефлексию. <p>Познавательные УУД</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Анализировать, сравнивать, делать выводы. 2. Владеть разными видами чтения (ознакомительным, изучающим). 3. Преобразовывать информацию из
Устаревшие слова								
Историзмы (не существуют предметы, явления)	Архаизмы (не существуют слова, но есть синонимы)							
Боярин, гусар, оброк	Уста (губы), чело (лоб)							

	<p>1. Предположить значение слова (записать);</p> <p>2. Проверить свое предположение, дать определение с помощью толкового словаря.</p>	<p>одного вида в другой (текст в таблицу).</p>
<p>V. Развитие учебно-языковых умений.</p>	<p>Упр.136– развивается умение опознавать устаревшие слова, определять их вид, аргументировать свой выбор.</p> <p>Выполняется устно с комментированием (в случае необходимости учитель помогает объяснить значение слова).</p> <p>А теперь поиграем. Выясним, кто самый внимательный.</p> <p>Встаньте прямо, слушайте внимательно и повторяйте за мной движения.</p> <p>Вытяните выю, расправьте рамена, поднимите десницу и шуйцу, укажите перстами чело, очи, уста, вежды, ланиты, ударьте дланью о долонь, погрозите перстом соседу.</p> <p>Работа с рисунком.</p>	<p>Познавательные УУД</p> <p>1. Анализировать, сравнивать, группировать, делать выводы.</p> <p>2. Владеть приёмами отбора и систематизации материала.</p> <p>3. Извлекать информацию из словарей разных типов.</p> <p>Коммуникативные УУД</p>

	 <p>Задание на интерактивной доске – развивается умение характеризовать и группировать устаревшие слова. Выполняется письменно по вариантам: I вариант историзмы, II – архаизмы.</p> <table border="0" data-bbox="462 1120 1005 1500"> <thead> <tr> <th>историзмы</th> <th>архаизмы</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td><i>кафтан</i></td> <td><i>око</i></td> </tr> <tr> <td><i>крепостной</i></td> <td><i>ветрило</i></td> </tr> <tr> <td><i>кольчуга</i></td> <td><i>рыбарь</i></td> </tr> <tr> <td><i>лапти</i></td> <td><i>уста</i></td> </tr> <tr> <td><i>бурлак</i></td> <td><i>зерцало</i></td> </tr> </tbody> </table> <p>Устно объясняется значение историзмов, подбираются современные синонимы к архаизмам.</p>	историзмы	архаизмы	<i>кафтан</i>	<i>око</i>	<i>крепостной</i>	<i>ветрило</i>	<i>кольчуга</i>	<i>рыбарь</i>	<i>лапти</i>	<i>уста</i>	<i>бурлак</i>	<i>зерцало</i>	<p>1. Свободно излагать свои мысли в устной форме, владеть разными видами монолога и диалога.</p> <p>2. Оказывать необходимую взаимопомощь и осуществлять взаимный контроль.</p>
историзмы	архаизмы													
<i>кафтан</i>	<i>око</i>													
<i>крепостной</i>	<i>ветрило</i>													
<i>кольчуга</i>	<i>рыбарь</i>													
<i>лапти</i>	<i>уста</i>													
<i>бурлак</i>	<i>зерцало</i>													
<p>VI. Итог урока.</p>	<p>– Вспомните, какие вопросы вы задали в начале урока.</p> <p>– Какие вопросы вы можете задать в конце урока? Как вы думаете, они совпадут?</p>	<p>Регулятивные УУД</p> <p>1. Соотносить цели и результаты своей деятельности.</p>												

	<ul style="list-style-type: none"> – Задайте эти вопросы и ответьте на них. – Что нового узнали на уроке? Чему научились? – Какие трудности встретились? – Что нужно сделать, чтобы избежать ошибок, успешно преодолеть трудности? – Дайте самооценку своей работы (по желанию, т.к. изучался новый материал). 	<p>2. Опираясь на критерии самооценки, определять степень успешности работы.</p>
<p>VII. Домашнее задание.</p>	<p>Найти примеры устаревших названий профессий в произведениях, дать им определения.</p>	